

2022/I

SIBERIA_LINGUA

ISSN 22227-6378

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: сетевой научный журнал

Периодичность – три выпуска в год

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Индексируется в научных базах данных на платформе EBSCOhost™.

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск,
пр. Свободный, 82А,
оф.242
Редакция научного
журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук
(отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Анисимова Евгения Евгеньевна, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Смирнов Евгений Сергеевич, канд. филол. наук, доцент кафедры РЯиРК (отв. секретарь выпуска)

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

@ Сибирский федеральный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЛИНГВИСТИКА	4
Зюкова Т.П. ОСОБЕННОСТИ ШИФРОВАНИЯ ЛЕКСЕМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В «МАРСИАНСКОМ ЯЗЫКЕ»	4
Колесникова Ю.С. МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ФЕМИНИЗМА В УСТНОЙ РЕЧИ МЕКСИКАНСКИХ ЖЕНЩИН	14
Синкевич Д.И. ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ПРОГНОЗЕ ПОГОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ, НЕМЕЦКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ)	23
Старцева Е.А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГЕРЦОГИНИ КЕМБРИДЖСКОЙ В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКИХ СМИ	36
Умаев Т.А. СТРАТЕГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ВРАЧА В АМЕРИКАНСКОМ СТЕНДАПЕ	43
Ципотан Д.С. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПГТ. ШУШЕНСКОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ФОКУС-ГРУППАХ)	51
Шохина А.Ю. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СЕТЕВОГО ПОЭТА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА ЛИСТОМИРОВА)	59
II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	67
Герус В.А. ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗА ЧЕМОДАНА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ XX ВЕКА	67
Ежкова Н.А. СНЫ И СНОВИДЕНИЯ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА: ДИНАМИКА, ПОЭТИКА, КОНТЕКСТ	73
Лапаух О.В. «ШАХМАТЫ – ВЕЩЬ ВАЛКАЯ...»: РАСКОЛОТЫЙ МИР ГЕНИЯ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В.В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»)	86
Лешкова Н.Н. НЕКАНОНИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ В ЛИРИКЕ Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ 1930–1950-Х ГГ.)	96
Павлова О.А. ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ-КЛАССИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.: СЦЕНАРИИ И ТЕКСТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОДОВЩИН И.А. КРЫЛОВА И А.С. ПУШКИНА)	107
Срмикян В.С. ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	117
Щербакова Д.А. «ОДИССЕЯ» XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЭРИКА-ЭММАНУЭЛЯ ШМИТТА «УЛИСС ИЗ БАГДАДА»)	125
III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ О «РОДНЫХ БАБУШКАХ». Предисловие – Е.С. Смирнов.	131
IV. НАШИ АВТОРЫ	142

ОСОБЕННОСТИ ШИФРОВАНИЯ ЛЕКСЕМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В «МАРСИАНСКОМ ЯЗЫКЕ»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности процесса шифрования лексем китайского языка в «марсианском языке», показана обусловленность процесса кодирования сообщения основными чертами языка. Кроме того, проанализированы модели шифрования односложных лексем и выделены основные мотивы для замены иероглифов. В виду того, что в настоящее время шифрование сообщения на «марсианский язык» остается малоизученным, новизна работы заключается в том, что она вносит определенный вклад в понимание особенностей данного процесса.

Ключевые слова: «Марсианский язык», шифрование, китайский интернет-сленг, китайский интернет-язык, языковая игра, китайская интернет-коммуникация, модели шифрования.

Abstract: This article analyzes the features of encryption of Chinese words in the Martian language, it also shows the connection between the process of encryption and the main features of the Martian language. Also, this article presents the encrypting models for monosyllabic words and the main reasons for encryption. Nowadays the encrypting process is not thoroughly studied, which makes this article relevant. It gives an insight into how encryption in the Martian language actually works.

Key words: the Martian language, encryption, Chinese internet-slang, Chinese internet-communication, word play, encrypting models.

Одним из результатов влияния глобальной сети Интернет на коммуникацию и язык стало появление и развитие интернет-сленга. В китайском интернет-пространстве также существует интернет-сленг и, в частности, связываемый с ним «марсианский язык». Как указывает А.Н. Сбоев, интернет-сленг не является самостоятельным языком, он формируется на базе обиход-

* Научный руководитель – старший преподаватель кафедры восточных языков ИФиЯК Е.А. Бирюлина.

ного языка и развивает его [Сбоев, 2015: 53]. Следует отметить, что, как и интернет-сленг, «марсианский язык» не является самостоятельным языком, его можно рассматривать как языковую игру.

Работы, рассматривающие интернет-сленг, охватывают широкий круг связанных с ним вопросов, в частности, Н.В. Семашко анализировала трудности перевода китайского интернет-сленга на русский язык [Семашко, 2020]; Р.Р. Ибрагимова рассматривала понимание китайского интернет-сленга как связующее звено между культурами [Ибрагимова, 2019]. Значительная доля работ по интернет-сленгу посвящена словообразовательному аспекту. Так, А.Н. Сбоев посвятил свои работы анализу словообразовательных процессов в интернет-сленге [Сбоев, 2015а; 2015б; 2016; 2018; 2019]. Эту же проблему рассматривала в своих исследованиях и А.А. Хаматова [Хаматова, 1988; 2012; 2016]. В работе М.В. Рубец рассматриваются проблемы образования новых лексем, иероглифов, эмотиконов и т.д., сопровождающих интернет-коммуникацию [Рубец, 2015].

В исследованиях, посвященных изучению «марсианского языка», затрагиваются история его появления, становления и распространения, его особенности [刘铁凤, 2010], [张帆, 2010], [Feng-Yuh (Erma) Lee, 2007], [程名, 周倩, 2009], [张伟, 2011], [夏彦云, 2016], [韩莎, 2009]. «Марсианским языком» называют отдельный вид искусственного языка, построенного на лексико-грамматической базе современного китайского языка. Главной чертой этого искусственного языка является особый способ создания лексических единиц. Слова «марсианского языка», в отличие от аналогичных единиц современного китайского языка, состоят не из общеупотребительных иероглифов, а из «символов иностранных языков, в частности корейского и японского, упрощенных и традиционных китайских иероглифов и малоупотребимых иероглифов, заимствованных из иностранных языков слов, диалектизмов и символов чжуинь, а также цифр и графических символов» [张伟, 2011: 36].

Анализ литературы по теме исследования показал, что исследования китайского интернет-сленга и марсианского языка, проводившиеся как отечественными, так и китайскими исследователями, не затрагивали вопрос шифрования лексем китайского языка в марсианском языке глубоко, в связи с чем возникает необходимость рассмотрения особенностей данного процесса и типологии моделей шифрования.

Целью данной работы является рассмотрение особенностей процесса зашифровки односложных лексем китайского языка в марсианском языке. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: дать краткую характеристику «марсианскому языку» и представить модели шифрования для односложных лексем.

Объектом исследования является «марсианский язык» как средство китайской интернет-коммуникации, предметом – модели его шифрования.

Данное исследование выполнено на материале статусов для социальной сети QQ, из которых методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 417 лексем.

Образование новых лексем в китайском интернет-сленге может происходить по существующим словообразовательным моделям китайского языка, употребительны также гомофония, редупликация, разбивка иероглифа на составные части [Сбоев, 2015: 70]. Кроме того, иероглифы могут быть употреблены в качестве эмотиконов; может происходить слияние иероглифов (煙 xīng 'искра' вместо 火 'огонь' и 星 'звезда') или стяжение слогов (酱紫 jiàngzǐ = 这样子 zhèyàngzi «так, таким образом») [Кислов, Колпачкова, 2017: 81]. Распространено заимствование из иностранных языков [Feng-Yuh (Erma) Lee, 2007: 27].

В отличие от интернет-сленга, в «марсианском языке» вышеприведенные способы словообразования не используются. Коллектив авторов Института журналистики Северо-Западного университета (КНР) в своем исследовании отмечает, что «марсианский язык», в отличие от интернет-сленга, не

влияет на семантику существующих слов и на их употребление, а затрагивает только их внешнюю форму [2008: 89]. Иными словами, в «марсианском языке» происходит не образование новых лексем, а шифрование уже существующих, в основе которого лежит различного рода замена, чаще всего на сходное по написанию или звучанию иероглифы, цифры, пиньинь, буквы иностранных алфавитов и прочие символы.

Китайский исследователь Лю Тефэн, перечисляя главные черты «марсианского языка», отмечает такие качества, как креативность и гибкость в употреблении [Лю Тефэн, 2010: 286], которые дают возможность зашифровки сообщения различными способами. Интернет-пользователи активно используют эти особенности, непрерывно пытаясь найти новые способы шифрования сообщения, в результате чего потенциальное количество моделей не ограничено.

Анализ собранного эмпирического материала позволил выделить типичные способы шифрования лексических единиц в «марсианском языке». Все односложные единицы «марсианского языка» были зашифрованы посредством 12 основных моделей (подробное описание данных моделей изложено ниже после схемы). Установлено, что остальные единицы «марсианского языка» – как двух-, так и трехсложные – построены по схожим моделям шифрования. Иначе говоря, модели шифрования данных лексем фактически основываются на различных комбинациях аналогичных базовых моделей для односложных слов. Нами было установлено, что модели двухсложных и более многосложных слов можно подразделить на три группы: замена первой морфемы, замена второй морфемы и замена обеих морфем слова.

Следует отметить, что данная классификация не претендует на полноту и может быть дополнена. Представленные модели визуализированы на схеме ниже, в которой также указано их количественное соотношение:

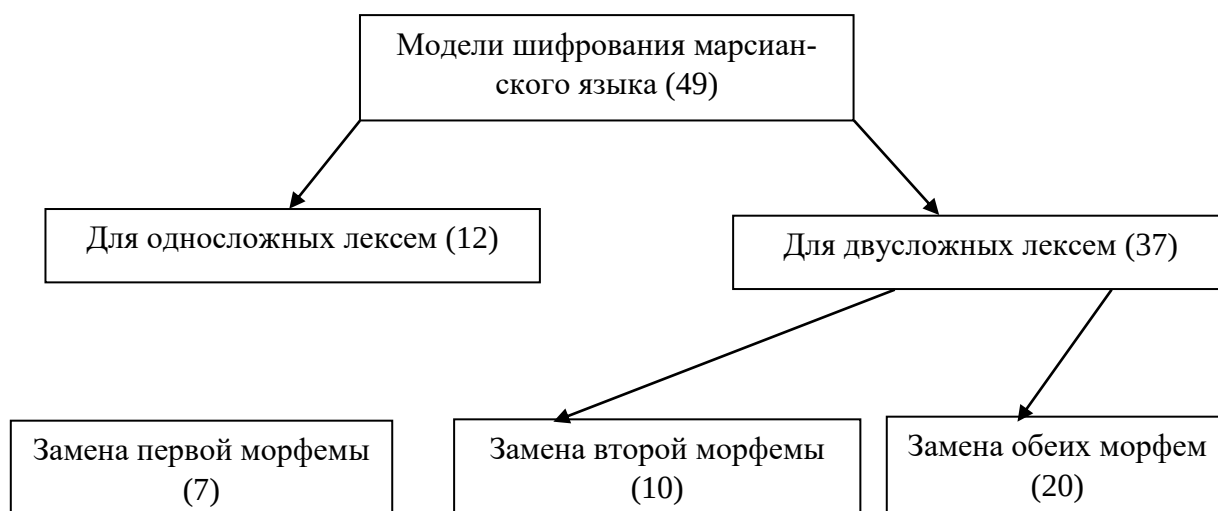

Схема 1. Модели шифрования в марсианском языке

В данной статье рассматриваются только модели шифрования односложных лексем, так как они являются базовыми и на их основе строятся модели для шифрования двусложных лексем. Для удобства лексемы «марсианского языка» будут обозначаться аббревиатурой ЛМ, а исходные лексемы китайского языка – ЛК.

1. Замена иероглифа на другой, схожий с ним по звучанию и написанию:

ЛМ: 𠂇 *pū*, *bǐ*, ЛК: 不 *bù* «не». Иероглифы схожи по звучанию. Также наблюдается некоторое сходство в написании: оба иероглифа содержат вертикальную черту и точку вправо.

2. Замена иероглифа на другой, схожий с ним только по написанию:

ЛМ: 𠂇 *lù*, ЛК: 用 *yòng* «использовать». В данном случае 𠂇 схож по написанию с иероглифом 用 и отличается от него только наличием точки влево.

3. Замена иероглифа на другой, схожий с ним только по звучанию:

ЛМ: 挖 *wā*, ЛК: 我 *wǒ* «я». В данном примере написание иероглифов разительно отличается. Сходство в произношении состоит в наличии общей инициали, однако финаль и тон разные.

4. Традиционное написание иероглифа:

ЛМ: 頭 *tóu*, ЛК: 头 *tóu* «голова». В данной модели иероглифы представляются в своем традиционном написании.

5. Замена иероглифа на диалектную иероглифику:

ЛМ: 偶 *ǒu*, ЛК: 我 *wǒ* «я». Согласно БКРС, в некоторых диалектах и интернет-сленге иероглиф 偶 используется вместо 我 *wǒ* «я». Как видно из примера, иероглифы совершенно различны по написанию, между ними наблюдается только определенное сходство в чтении. Ведущим мотивом для замены стал семантический фактор: оба иероглифа обозначают местоимение «я».

Однако часто основным мотивом для подобной замены является не семантическое, а внешнее сходство иероглифов и их чтение. Например:

ЛМ: 㗎 *hé*, ЛК: 和 *hé* «и». Иероглиф 㗎 употребляется в кантонском диалекте и является междометием, выражающим удивление. Таким образом, семантического сходства между данными иероглифами не наблюдается. Мотивом для замены стало написание и чтение.

6. Замена иероглифа на символ чжуинь вэнь:

Чжуинь, также чжуинь фухао (注音 *zhùyīn*, 注音符号 *zhùyīn fúhào*) – система транскрипции китайского языка, принятая, в основном, на Тайване. Чжуинь состоит из элементов иероглифов и передает звучание начальных слогов, финалей, медиалей, дифтонгов.

ЛМ: ㄛ *n*, ЛК: 了 *le* (частица, передающая завершение действия или изменения состояния). В данном случае мотивом замены стало внешнее сходство.

7. Замена иероглифа на символ иностранного алфавита, передающий его звучание и/или написание:

ЛМ: 十 *na*, ЛК: 大 *dà* «большой».

ЛМ: 为 *i*, ЛК: 为 *wéi* «для, ради, за, быть»;

ЛМ: 人 *n*, ЛК: 人 *rén* «человек». Символы катаканы и хираганы используются в японском языке для передачи звучания отдельных звуков или слогов. Из данных примеров видно, что мотивом для подобной замены становится исключительно внешнее сходство символов и заменяемых ими иероглифов, а сходство в произношении носит случайный характер.

8. Инициальное сокращение:

ЛМ: g, ЛК: 个 *gè* «счетное слово; штука». Механизм замены иероглифов по данной модели довольно прост: ИЛ заменяется на первую букву ее пиньиня.

9. Цифровые сокращения:

ЛМ: 4 *sì*, ЛК: 是 *shì* «быть». Мотивом для замены выступает сходство в чтении цифр и заменяемых иероглифов. Как видно из примера, разница в произношении состоит исключительно в инициали.

10. Расщепление иероглифа:

ЛМ: 言兑 *yán duì*, ЛК: 说 *shuō* «говорить». В данном примере произошло расщепление иероглифа 说 *shuō* «говорить» на составные элементы: 讠 *yán* и 兑 *duì*. Кроме того, элемент 讠 *yán* представлен в традиционном написании: 言.

11. Написание вместо иероглифа его пиньиня с употреблением букв иностранного алфавита:

ЛМ: γǎng, ЛК: 让 *ràng* «заставлять». Первые две буквы пиньиня «га» заменены на символы греческого алфавита γ и α, из них звучание передает только греческая буква α. Что касается буквы γ, то ее чтение сильно отличается от китайского звука г. Очевидно, таким образом, что мотивом для замены данных двух букв стало внешнее сходство.

12. Замена иероглифа на один из его вариантов

ЛМ: 对 – японский вариант иероглифа 对 *duì* «верный» (ЛК). Между данным иероглифами наблюдается сходство в написании, они отличаются только наличием ключа 文 *wén* «письмена» в первом варианте, и 又 *yòu* «снова» – во втором.

Таким образом, в ходе исследования было выяснено, что в «марсианском языке» не происходит образования новых лексем, языковые единицы формируются путем замены изначальных иероглифов китайского языка на другие, схожие с ними по написанию или звучанию иероглифы, цифры, буквы иностранных алфавитов, различные символы. Установлено, что для образования сложных слов в «марсианском языке» используются 12 моделей шифрования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибрагимова Р.Р. Понимание китайского интернет-сленга как связующее звено между культурами // Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 55–58.
2. Кислов А.В., Колпачкова Е.Н. Влияние Интернета на современный китайский язык // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Выпуск №1. С. 72–86.
3. Рубец М.В. Влияние процессов модернизации на некоторые аспекты современного китайского языка // История философии. 2015. Т. 20. №2. С. 47–60.

4. Сбоев А.Н. Анализ лексики китайского интернета с точки зрения словообразования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 70–81.
5. Сбоев А.Н. Тенденции развития лексики китайского языка на материале «Словаря интернет-языка Синьхуа» // Вестник МГЛУ ЕАЛИ. 2015. Выпуск 3(714). С. 53–61.
6. Сбоев А.Н. Словообразовательные морфемы 男 и 女 в китайском языке // Филология и культура. 2016. №1 (43). С. 107–114.
7. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22. Владивосток, 2018. 33 с.
8. Сбоев А.Н. Современные способы словообразования в китайском языке (на примере интернет-лексики) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: сб. науч. тр. Москва: Изд-во Московский государственный областной университет, 2019. С. 552–559.
9. Семашко Н.В. Специфика и трудности перевода китайского интернет-дискурса // Социальные и гуманитарные науки в XXI в. Итоги, вызовы, перспективы: сб. науч. тр. Санкт-Петербург: Фора-принт, 2020. С. 119–124.
10. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета, 1988. 224 с.
11. Хаматова А.А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №4. С. 9–13.
12. Хаматова А.А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. №3 (37). С. 14–20.
13. Feng-Yuh (Erma) Lee. Martian language: an alien language or an international language? ProQuest Dissertation Publishing. 2007. 72 p.

14. 刘铁凤。火星文的语用视角。辽宁：辽宁工程技术大学学报（社会科学版），2010。[Лю Тефэн. Прагматический аспект марсианского языка].
15. 作者单位：西北大学新闻传播学院。探析网络新语言“火星文”。青年记者，2008。[Коллектив авторов Института журналистики Северо-западного университета. Анализ марсианского языка, нового интернет-языка].
16. QQ 个性签名 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gexingqianming.oicq88.com/huoxingwen/> (дата обращения: 27.02.2022).
17. 张帆。“火星文”探析。东北师范大学学位评定委员会，2010。[Чжан Фань. Анализ «марсианского языка»].
18. 张伟。“火星文”的构造分析。湖北第二师范学院学报，2011。[Чжан Вэй. Структурный анализ «марсианского языка»].
19. 程名，周倩。网络“火星文字”的发展与影响探析。新闻界，2009。[Чэн Мин, Чжоу Цин. Анализ развития «марсианского языка» и его влияния].
20. 韩莎。解读火星文。安徽文学，2009。[Хань Суо. Интерпретация марсианского языка].
21. 夏彦云。浅谈火星文的新特点。河南：青年时代，2016。[Ся Янь-юнь. Краткий анализ новых особенностей марсианского языка].

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ФЕМИНИЗМА В УСТНОЙ РЕЧИ МЕКСИКАНСКИХ ЖЕНЩИН

Аннотация: в статье рассматриваются мультимодальные маркеры, характерные для ситуаций обсуждения феминизма мексиканскими женщинами в формате интервью. Феминистский мультимодальный дискурс был проанализирован в контексте трёх ситуаций: обсуждение абстрактных проблем, связанных с феминизмом; обсуждение негативных явлений, таких как домашнее насилие и феминцид; и обсуждение личного опыта, связанного с феминизмом.

Ключевые слова: феминизм, гендерная лингвистика, мультимодальный дискурс, мультимодальный маркер, Мексика.

Abstract: The article considers the multimodal markers typical for Mexican women discussing feminism in an interview format. The feminist multimodal discourse was analyzed in the context of three situations: a discussion of abstract issues related to feminism, a discussion of negative phenomena such as domestic violence and femicide, and a discussion of personal experience related to feminism.

Keywords: feminism, gender linguistics, multimodal discourse, multimodal marker, Mexico.

В современном мире всё больше внимания уделяется вопросам гендерного неравенства, в том числе в странах третьего мира. С развитием междисциплинарных гендерных исследований становятся популярны и исследования, изучающие влияние гендера на язык. Современные гендерные исследования характеризуются переходом от условного универсализма женского опыта к осмыслению полной и разнообразной картины мира женщин в зависимости от других социальных характеристик. Так появляется интерсекционный подход, который помимо гендера учитывает национальную, классовую, расовую принадлежность, возраст и т.д. Его приоритет – изучение ме-

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова.

ханизмов неравенства, угнетения и исключения и установление соответствующих социальных ролей мужчин и женщин [Ельникова, 2016: 75].

Одно из наиболее новаторских направлений современной гендерной лингвистики, основанное на интерсекциональном подходе – языковые исследования в рамках постколониального феминизма, где патриархат и империализм рассматриваются как аналогичные по своему воздействию формы угнетения, которым подверглись женщины в странах бывших колоний.

К этому направлению относится и изучение гендерного неравенства в Мексике. Фундаментом для защиты прав женщин Мексики являются Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979) и Конвенция Белем-ду-Пара, ратифицированная Мексикой в 1998 году [Старцева, 2018: 350]. Несмотря на легитимность отстаивания принципов гендерного равенства в стране, неравенство и дискриминация в отношении женщин сохраняется в Мексике в значительных объемах, выражаясь в таких крайних формах, как, например, домашнее насилие и феминицид. Они продолжают существовать из-за широкого распространения социальных «традиций», ставящих женщин в ситуацию неравенства и несправедливости [Старцева, 2018: 353]. Реакцией на эти явления стало развитие феминизма и особенно его радикального ответвления. Такой контекст делает Мексику и Латинскую Америку в принципе чрезвычайно интересными для гендерных исследований, в том числе лингвистических.

Вместе с этим в лингвистических исследованиях всё чаще делается акцент на мультимодальность дискурса, то есть на одновременное взаимодействие различных семиотических систем, транслирующих информацию с учетом коммуникативных традиций общества, включающее вербальный компонент, просодию и визуальные средства взаимодействия [Кибрик, 2010]. Такой переход обусловлен природной мультимодальностью естественного дискурса, которую нельзя игнорировать при анализе и интерпретации устной речи. Однако на сегодняшний день в российской коммуникативистике понятие «мультимодальность» относится к числу недостаточно проясненных тер-

минов: в большинстве работ, где оно встречается, его значение выглядит синонимичным понятиям, выражающим множественность способов передачи сообщения (из которых самый распространенный вариант – «текст» + «изображение»), поэтому позже А.А. Кибрик предложил термин «мультиканальный дискурс», обосновав это тем, что на данном этапе в лингвистике изучаются только две модальности – вокальная (слуховая) и кинетическая (зрительная), а остальные модальности, например, обоняние или осязание, остаются за пределами рассмотрения [Загидуллина, 2019: 182]. Несмотря на известную терминологическую неопределённость и отсутствие общепринятых правил и алгоритмов анализа мультимодального дискурса, представляется возможным выделять в нём мультимодальные маркеры – вербальные, просодические либо визуальные элементы дискурса, неразрывно связанные с мультантными элементами других модусов и участвующие в формировании значения высказывания [Кибрик, 2010]. Вместе с этим широкое распространение получают мультимодальные исследования в сфере когнитивной лингвистики, определяющие, например, являются ли жесты частью тех же концептуальных структур, что и грамматические конструкции. Одно из исследований установило, что жестикуляция носителей французского языка при использовании глагольных конструкций прошедшего законченного времени (*passé composé*) тяготеет к так называемым предельным жестам, содержащим некоторый импульс, усилие, а в случае глагольных конструкций, обозначающих незаконченное или фоновое действие в прошлом (*imparfait*) – к предельным, достаточно плавным жестам [Колмогорова, 2019: 24]. Одновременно с этим возникает проблема сегментации звукового потока, а также последовательности жестов и мимических движений на отдельные составляющие. Тем не менее, данное направление является одним из самых перспективных и стремительно развивающихся, и поэтому представляется очень актуальным применять метод мультимодального анализа в лингвистических и междисциплинарных исследованиях.

Целью данной работы является выявление мультимодальных маркеров дискурса мексиканских феминисток, характерных для различных ситуаций обсуждения феминизма. С помощью мультиканального аннотирования в программе ELAN 6.3 было проанализировано 150 минут видеоматериала мексиканской программы «Sororidad», извлечённой с ютуб-канала мексиканского телеканала Periódico Regeneración TV. Было выделено четыре слоя для разметки: слова, жесты, интонация, мимика. Стоит отметить, что точное количество и временные границы элементов разметки определить не удалось, так как жесты, мимические движения и просодические явления чаще всего перетекают одно в другое, прерываются либо смешиваются в одно движение. В связи с этим на данном этапе для анализа были использованы только «чистые» маркеры, которые, тем не менее, позволяют выявить характерные особенности мультимодального поведения мексиканских женщин в ситуациях обсуждения феминизма. После разметки в программе полученные данные были разделены на три группы в зависимости от ситуации общения и затем проанализированы.

1. Ситуации абстрактного обсуждения феминизма и связанных проблем

В эту группу вошли диалоги, в которых обсуждались принципы феминизма, феминистское движение в Мексике и мире, политические, экономические, культурные явления Мексики, связанные с феминизмом. Общий тон обсуждения чаще всего был умеренно-эмоциональным, что характерно для быстрой, громкой и наполненной невербальными компонентами испаноязычной речи. В результате были выделены следующие преобладающие маркеры:

- Жесты: «мах ладонью от себя», «разводит руками», «мах двумя ладонями от себя», «покачивание головой»;
- Слова: «bueno», «mujeres», «no?», «pues»;
- Мимические движения: «поднимает брови», «хмурит брови», «щурится», «широко раскрывает глаза»;

- Просодические (интонационные) явления: повышение громкости голоса, интонационное выделение, ускорение темпа речи, повышение тона голоса.

Ситуации абстрактного обсуждения феминизма и связанных проблем

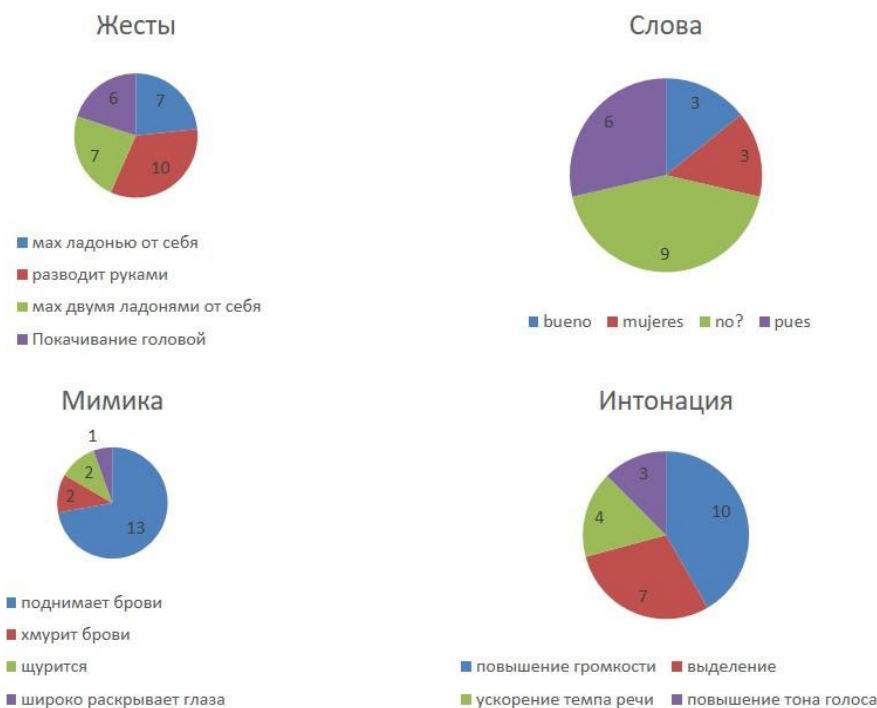

Рис. 1. Ситуации абстрактного обсуждения феминизма и связанных проблем

2. Ситуации обсуждения негативных явлений, связанных с феминизмом.

В этой группе рассматривались ситуации обсуждения возникновения и развития в Мексике таких явлений, как домашнее насилие, феминцид, гендерное насилие, случаи применения физической силы к женщинам. Ситуации обсуждения этих тем часто сопровождаются употреблением вербального маркера «по?», а также меньшим количеством просодических явлений по сравнению с первой ситуацией. Были выделены следующие маркеры:

- Жесты: «резкий мах от себя», «пробежка», «мах двумя ладонями от себя», «потряхивание щепоткой»;
- Слова: «violencia», «es como», «no?», «pues»;

- Мимические движения: «поднимает брови», «хмурит брови», «закрывает глаза», «широко раскрывает глаза»;
- Просодические (интонационные) явления: повышение громкости голоса, интонация перечисления, ускорение темпа речи, повышение тона голоса (Рис. 2).

Ситуации обсуждения личного опыта, связанного с феминизмом

Ситуации обсуждения негативных явлений, связанных с феминизмом

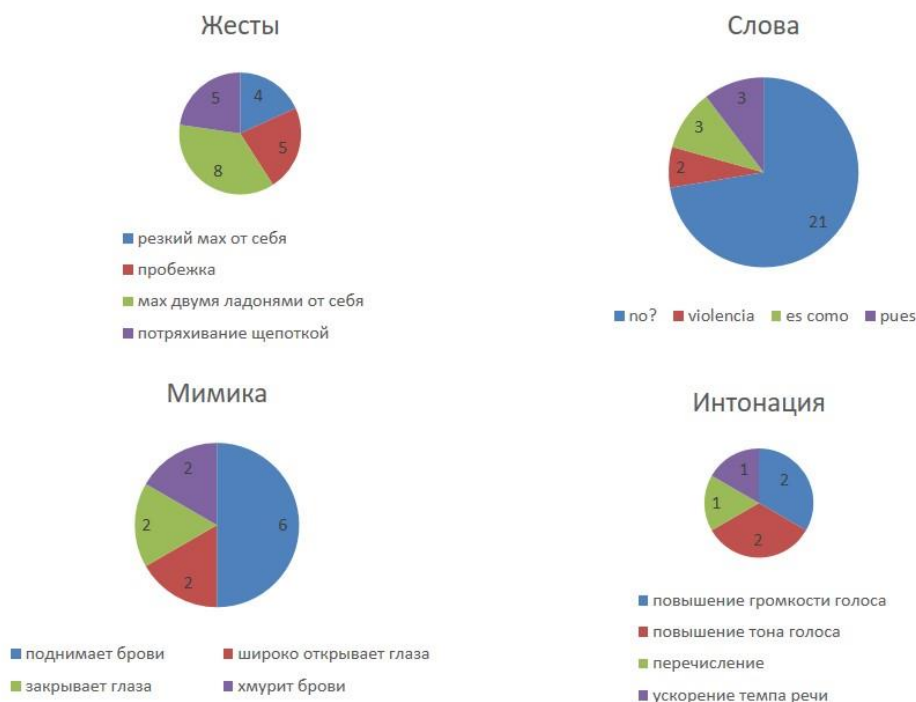

Рис. 2. Ситуации обсуждения негативных явлений, связанных с феминизмом

В эту группу вошли ситуации, в которых женщины рассказывали о пережитом опыте помощи другим женщинам, столкнувшимся с гендерным насилием; о личных инициативах, направленных на борьбу с гендерным неравенством; рефлексировали о своей деятельности в рамках феминистского движения. Для этой ситуации характерен жест «прижимает руку(и) к груди» и интонационное выделение отдельных слов. Были выделены следующие маркеры:

- Жесты: «резкий мах от себя», «покачивание головой», «многократный мах соединёнными пальцами», «прижимает руки к груди»;

- Слова: «sí, sí», «verdad», «no sé», «pues»;
- Мимические движения: «поднимает брови», «взгляд вверх», «взгляд исподлобья», «широко раскрывает глаза»;
- Просодические (интонационные) явления: повышение громкости голоса, интонация выделения, ускорение темпа речи, цоканье языком. Нужно отметить, что элемент «цоканье языком» не является просодическим явлением, но был отнесён сюда в связи с отсутствием достаточного количества подобных явлений для выделения их в отдельную категорию (Рис. 3).

Ситуации обсуждения личного опыта, связанного с феминизмом

Рис. 3. Ситуации обсуждения личного опыта, связанного с феминизмом

Также в каждой ситуации были выделены уникальные мануальные жесты. В ситуациях абстрактного обсуждения феминизма и связанных проблем был выделен жест «кавычки» (Рис. 4), который также образует цепочку с вербальным маркером «mujeres» в той же ситуации.

Рис. 4. Жест «кавычки»

В ситуации обсуждения негативных явлений, связанных с феминизмом, уникальным оказался жест «ставит точки в воздухе щепоткой» (Рис. 5).

Рис. 5. Жест «ставит точки в воздухе щепоткой»

В ситуации обсуждения личного опыта, связанного с феминизмом, был выделен жест «молитва» (Рис. 6).

Рис. 6. Жест «молитва»

После анализа данных мы пришли к следующим результатам:

1. Самыми характерными мультимодальными маркерами дискурсивного поведения мексиканок в ситуации обсуждения феминизма являются:

1.1. При обсуждении абстрактных проблем: маркеры «разводит руками», «поднимает брови», «повышает громкость голоса», «по?»;

1.2. При обсуждении негативных явлений: маркеры «мах двумя ладонями от себя», «по?», «поднимает брови», «ускоряет темп речи»;

1.3. При обсуждении личного опыта: маркеры «прижимает руки к груди», «покачивает головой», «поднимает брови», «интонация выделения», «повышает громкость голоса».

2. Были выявлены цепочки мультимодальных маркеров:

2.1. При обсуждении абстрактных проблем: слово «*tuĵer*» + жест «кавычки»;

2.2. При обсуждении личного опыта: жест «прижимает руку(-и) к груди + интонационный маркер «повышение тона голоса».

В дальнейшем планируется уточнение полученных результатов и продолжение исследования с привлечением большего количества источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ельникова Г.А. Гендер – инструмент познания общества // Экономика. Общество. Человек. Мат-лы III междунар. научно-практ. конф. Белгород: БГТУ, 2016. С. 73–80.

2. Загидуллина М.В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск: ЧелГУ, 2019. №. 1 (31). С. 181–188.

3. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. М.: ИП РАН, 2010. Т. 4. С. 134–152.

4. Старцева Л.И. Инструменты защиты прав женщин: опыт Мексиканских Соединенных Штатов в рамках межамериканской системы защиты прав человека // Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. С. 349–354.

5. Колмогорова А.В. Лингвистика когнитивная и экологичная: к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследованиях // Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск: СФУ, 2019. № 3. С. 19–28.

ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ПРОГНОЗЕ ПОГОДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ, НЕМЕЦКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ)

Аннотация: Статья посвящена выявлению и интерпретации военных метафор, использующихся для репрезентации погодных явлений в британских, немецких и российских СМИ. Материалом для анализа послужили тексты прогнозов погоды на сайтах таких изданий, как Express, Gismeteo, Wetterkanal и др. Автор дает определение понятию метафоры, рассматривает прогноз погоды с лингвистической точки зрения. Акцент делается на анализе примеров, в которых метафоризации подвергаются такое погодное явление как ветер, а также изменения температуры и смена времен года. В ходе исследования установлено, что используемые в прогнозе погоды военные метафоры могут указывать на интенсивность протекаемого атмосферного процесса.

Ключевые слова: метафора, военная метафора, погодные явления, британский прогноз погоды, российский прогноз погоды, немецкий прогноз погоды

Abstract: This article identifies and interprets military metaphors that represent weather phenomena in the British, German and Russian media. The material for the analysis were the texts of weather forecasts on such websites as Express, Gismeteo, Wetterkanal, etc. The author defines the concept of metaphor, introduces the weather forecast from a linguistic point of view. The article focuses on the analysis of examples in which temperature changes and alternation of seasons are metaphorized. The examples in which the wind is represented by using a military metaphor are also analyzed. It was found that the military metaphors used in the weather forecast can point out the intensity of the atmospheric process.

Key words: metaphor, military metaphor, weather phenomena, British weather forecast, Russian weather forecast, German weather forecast.

Погода и проявление различных её процессов и состояний являются значимой составляющей жизни каждого человека и оказывают ключевое влияние на наше существование. Подстраиваясь под атмосферные процессы, мы выбираем ту или иную одежду, решаем, как организовать досуг и многое другое. Кроме того, деятельность таких значимых отраслей как авиация,

^{*} Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

сельское хозяйство, энергетика и др. была бы менее эффективной без знания наиболее вероятного поведения атмосферы в будущем. Другими словами, погода, во всем многообразии своих проявлений, является одним из важнейших факторов жизнедеятельности людей, и именно поэтому представляет особый интерес не только для ученых разных областей, но и для каждого из нас. Стараясь свести влияние погоды на нашу жизнь к минимуму, мы хотим быть осведомлёнными о надвигающихся изменениях погоды заранее. Так, заинтересованность огромного процента людей в достоверных данных о погодных явлениях объясняет исключительную востребованность прогнозов погоды на телевидении, в интернете и в других средствах массовой информации.

Однако, несмотря на то, что сообщаемые в прогнозах погоды сведения широко используются во многих областях практической деятельности людей, лингвистические аспекты данного жанра до сих пор не были подробно рассмотрены и исследованы. Этим объясняется тот факт, что в последние годы ученые-лингвисты все чаще обращают свое внимание на жанр прогноза погоды и рассматривают его особенности с лингвистической точки зрения. Так, например, некоторые исследователи занимаются изучением структуры и содержания прогноза погоды через анализ его композиционных и стилистических особенностей [Кулебаева, 2017], другие пытаются обнаружить общие закономерности и повторяющиеся признаки, свойственные данному жанру, в том числе четко ограниченное лексическое поле, а также определенные просодические паттерны [Mainguoux, 2016] и др. Но несмотря на вовлеченность целого ряда исследователей в изучение жанра прогноза погоды, большинство его лингвистических, структурных и прагматических особенностей до сих пор не были рассмотрены и подробно описаны.

Под прогнозом погоды принято понимать «описание ожидаемого состояния атмосферы в определенный момент или период времени для определенного района» [Васильев, Вильфанд, 2008: 18]. Метеорологические прогнозы делятся на «прогнозы общего назначения, ориентированные на широ-

кий круг пользователей, главным образом на население, и на специализированные прогнозы, составляемые с учетом специфики деятельности различных отраслей экономики (например, авиационные, морские, для наземного транспорта и т.п.)» [Там же: 19]. В зависимости от их заблаговременности прогнозы делятся на текущие, сверхкраткосрочные, краткосрочные, среднесрочные, увеличенной заблаговременности и долгосрочные [Там же]. В своей работе мы ориентировались на краткосрочные прогнозы общего назначения.

При рассмотрении жанра прогноза погоды с лингвистической точки зрения обратимся к определению С. М. Мару [Mainguoux, 2016]: прогноз погоды – это «специфический тип устного дискурса, функционирующий в заданных рамках, содержащий ряд повторяющихся признаков, включая четко определенное лексическое поле и узнаваемые просодические паттерны» (Перевод наш – С.Д.И.).

В прогнозах погоды, как правило, сообщается прогностическая информация о «тех особенностях погоды, к которым люди весьма чувствительны, т. е. в первую очередь о температуре воздуха, ветре и, наконец, изменчивой облачности и осадках» [Монин, 1969: 65]. Кроме того, в прогнозах погоды могут упоминаться различные погодные явления (грозы, бури, метели, град и т.п.), а также некоторые виды надвигающихся стихийных бедствий (ураганы, торнадо и т.п.). Описывая погоду и давая ей оценку в прогнозах, синоптики, как правило, не ограничиваются исключительным использованием метеорологической терминологии. Для того, чтобы сделать свою речь красочнее и наполнить живыми и ёмкими образами, которые облегчают восприятие информации зрителями, они прибегают к употреблению средств художественной выразительности. В частности, большинство погодных явлений часто репрезентируется через метафоры.

Существует множество определений термина «метафора». Например, Н. Д. Арутюнова в «Большом энциклопедическом словаре» определяет метафору как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики

или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин “метафора” применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [Арутюнова, 1998: 298].

Следует также упомянуть, что метафора, являясь наиболее характерной стилистической единицей, на протяжении многих лет привлекает внимание и интенсивно исследуется представителями различных научных дисциплин. Однако, несмотря на общеупотребительность метафорических выражений и вовлеченность целого ряда ученых в их исследование, в настоящее время далеко не все виды метафор хорошо изучены и подробно описаны. Исключением не является и погодная (метеорологическая) метафора, которая используется для репрезентации погодных явлений в разных сферах синоптической метеорологии, в том числе и прогнозах погоды. В рамках нашего исследования, мы, опираясь на письменные прогнозы погоды на сайтах различных интернет-изданий, рассматриваем один из видов погодной метафоры, а именно военную метафору.

В данной статье под «военной метафорой» мы подразумеваем метафору, в которой содержится специфичная военная лексика, т.е. нами рассматриваются лексические единицы семантического поля «ВОЙНА». Такие метафоры, согласно А.П. Чудинову, могут быть разделены по тематическому признаку на различные группы: фрейм «Война и ее разновидности», фрейм «Организация военной службы», фрейм «Военные действия и вооружение», фрейм «Начало войны и ее итоги», фрейм «Воинские символы и атрибуты» и фрейм «Ранение, выздоровление или смерть» [Чудинов, 2001: 106-112]. Опираясь на данную классификацию, мы исследуем лексические единицы, которые подвергаются метафорическому переносу из военной сферы в сферу прогноза погоды на основе сходства наименований различных военных действий, сооружений и участников с погодными явлениями.

Изучив около трехсот текстов прогнозов погоды на различных британских, немецких и российских сайтах, мы выяснили, что метафора, в которой

содержится военная лексика, часто употребляется ведущими для описания изменения температуры (как потепления, так и похолодания), ветра, а также наступления нового времени года. Кроме того, нам удалось выяснить, что использование приема метафоризации часто связано с желанием говорящих сделать акцент на интенсивности протекаемого атмосферного процесса. С той же целью составителями прогнозов погоды могут проводиться аналогии между погодными явлениями и людьми, принимающими участие в военных действиях. Приведем примеры, подтверждающие наши наблюдения и иллюстрирующие использование военных метафор в британских, немецких и российских СМИ.

Начнем с анализа милитарных метафор в британском прогнозе погоды.

1. ***The UK is currently battling against strong winds and the UK's weather situation looks set to become a lot worse*** (The Scottish Sun, 20.02.2022).

В данном отрывке **The UK** (Великобритания) благодаря использованию военной метафоры выступает в роли солдата, сражающегося с сильным противником – **strong winds** (ветрами). С помощью фразового глагола **battle against** (*to wage a fight against someone or something; to attempt to defeat someone or something* [The Free Dictionary]) внимание реципиента заостряется на том, что жителям Великобритании пришлось столкнуться с бушующими ветрами, т.е. автор хочет сделать акцент на силе протекаемого погодного явления. Кроме того, военная метафора в данном примере реализуется также через оппозицию «свой-чужой», и вокруг сильных ветров намеренно создается образ врага, «чужого» неприятеля.

2. ***During the evening, the cold front will invade Central England*** (News Beezer, 24.01.2019).

Представленная в данном отрывке метафора также относится к военной. Лексема **cold front** (холодный фронт) с помощью глагола **invade** (*to enter a country by force with large numbers of soldiers in order to take possession of it* [Cambridge Dictionary]) подвергается метафоризации. Уподобляя холодный атмосферный фронт захватчику, который вторгнется в центральную Англию

и попытается оккупировать ее территорию, составитель прогноза погоды дает читателям понять, что в скором времени в регионе наступит похолодание. Акцент делается на интенсивности и масштабности протекаемого явления. Здесь также прослеживается оппозиция «свой-чужой».

3. *The UK turns into 'battleground' as Arctic air engulfs country with lasting chill* (Express, 19.12.2021).

В представленном примере метафоризации подвергается лексема **Великобритания** (*The UK*), которую составитель прогноза погоды сравнивает с **полем битвы** (*battleground*) (*is a place where a battle is being fought or has been fought in the past* [Cambridge Dictionary]), на котором бушует холодный арктический фронт. Употребление лексической единицы с яркой военной окраской в отношении названия государства позволяет предостеречь аудиторию о том, что в ближайшее время вся территория страны будет во власти страшной непогоды. Заострить внимание на масштабности «охватывающего эффекта» автору также помогает глагол **engulf** (*поглощать, охватить*) (*to surround and cover something or someone completely*). Таким образом, акцент ставится на силе, масштабности и опасности арктического фронта, который, как и в предыдущих примерах, играет роль «чужого».

Можно заметить, что использование военных метафор в британском прогнозе погоды часто обуславливает желание автора сделать акцент на силе природного явления, его интенсивности, а также предупредить реципиентов о возможных негативных последствиях, причиной которых оно может стать. Рассмотренные примеры показывают, что в британском прогнозе погоды могут проводиться аналогии между протекающими атмосферными процессами и началом (*the cold front will invade*) или ходом (*the UK is battling against strong winds*) военных действий. Кроме того, в примерах также можно заметить оппозицию «свой-чужой», где «чужими» выступают неблагоприятные погодные явления (*strong winds, the cold front, Arctic air*), а «своей» – территория, на которой они бушуют (*The UK, Central England*).

Анализируя тексты немецких прогнозов погоды, мы также обнаружили несколько примеров использования военной метафоры. Рассмотрим их чуть подробнее.

1. *Ungewöhnlich **hohe Temperaturen dominieren** derzeit das Wetter über Deutschland, doch so warm wird es im Wochenverlauf nicht bleiben* (Wetterprognose, 02.10.2021).

В данном отрывке лексема **hohe Temperaturen** (*высокие температуры*) употребляется с глаголом **dominieren** (*доминировать*) (*vorherrschen, überwiegen* [Duden]). Автор использует военную метафору и уподобляет жаркую погоду захватчику, который властвует на территории Германии и заставляет её подчиняться своим порядкам. Это позволяет реципиентам понять, что высокая температура какое-то время будет преобладать в их регионе, не уступая места прохладе.

2. *Die heiße Luft wurde am Dienstag verdrängt aus Deutschland und in einigen Landesteilen gab es heftige Gewitter* (Wetterkanal, 31.05.2017).

Употребление пассивной конструкции с глаголом **verdrängen** (*вытеснять*) (*jemanden von seinem Platz drängen, wegdrängen, um ihn selbst einzunehmen* [Duden]) и лексемой **Luft** (*воздух*) в сочетании с прилагательным **heiße** (*горячий*) помогает аудитории понять, что тёплый атмосферный фронт, который ранее стал причиной жары в Германии, наконец отступает. Другими словами, составитель прогноза погоды хочет провести аналогию с тем, что теперь Германия «освобождена» от врага – жаркой погоды.

3. *Herbstwetter erobert ganz Deutschland: Schauer und vereinzelt Gewitter am Wochenende* (RND.de, 05.09.2020).

В данном отрывке метафоризации подвергается лексема **Herbstwetter** (*осенняя погода*), которая в сочетании с глаголом **erobern** (*захватить*) (*ein fremdes Land oder Gebiet durch eine militärische Aktion an sich bringen* [Duden.de]) позволяет сравнить осень с захватчицей, которая завоевала и оккупировала территорию всей Германии (*ganz Deutschland*), принеся с собой грозы (*Gewitter*) и ливни (*Schauer*). Интенция автора прогноза погоды заклю-

чается в том, чтобы описать масштабность «охватывающего эффекта» осенней непогоды, которой подвержено все государство, а также предупредить аудиторию о возможных трудностях, связанных с неблагоприятными погодными условиями, и создать образ «чужого», опасного врага.

Можно отметить, что проанализированные нами метафоры из немецкого прогноза погоды, как и приведенные выше примеры из британских СМИ, могут указывать на силу и интенсивность протекания погодных явлений. Кроме того, некоторые из них также используются с целью сообщения о надвигающейся опасности и предостережения. Оппозиция «свой-чужой» также отчетливо прослеживается во всех примерах: «своей» представляют Германию, а «чужой» – плохую погоду (*die heiße Luft, Herbstwetter, hohe Temperaturen*). В отличие от британского прогноза погоды, в котором проводились аналогии между протеканием природных явлений и разными этапами военных действий, где участники, выступая на равных, «сражались» друг с другом за господство, в немецком прогнозе погоды акцент ставится на доминировании одной из сторон (*hohe Temperaturen dominieren, Herbstwetter erobert ganz Deutschland*) и подчинении ей другой (*die heiße Luft wurde verdrängt aus Deutschland*). Другими словами, военная метафора в немецком прогнозе погоды указывает не на процесс борьбы, а на ее результат – победу одного участника и проигрыш другого.

Теперь рассмотрим примеры использования военной метафоры в российском прогнозе погоды.

1. *В субботу регион будет находиться под влиянием азорского антициклона, тепло отвоюет утраченные позиции* (Gismeteo, 15.02.2021).

Ожидаемое синоптиками потепление эксплицируется с помощью метафоры с лексемой **тепло** в сочетании с глаголом **отвоюет** (*отобрать, приобрести вновь путем войны, борьбы, настойчивой деятельности* [Толковый словарь Ушакова]). Это позволяет сконцентрировать внимание читателей прогноза погоды на том, что температура воздуха станет значительно выше, и теплая погода придет на смену более прохладной. Кроме того, употребле-

ние глагола **отвоюет** с имеющим яркую милитарную окраску словосочетанием **утраченные позиции** заостряет внимание реципиентов на том, что в регионе ранее уже было тепло, но затем погода ухудшилась, и теперь жителей снова ждут благоприятные погодные условия. В данном случае использование метафоры обусловлено желанием автора прогноза погоды реализовать оппозицию «свой-чужой». Временное похолодание преподносится реципиентам в качестве «чужого», того, которого нужно прогнать, а теплая погода становится «своей».

2. *Как видно на карте минимальной температуры 23 декабря, «полтинники» распространились по всей республике и окружили Якутск. Но столица держит «осаду»: 22 декабря было –47, 23 декабря – –48. (Gismeteo, 23.12.2021).*

В данном отрывке можно увидеть сразу две представляющих для нас интерес военных метафоры. Во-первых, с помощью лексемы **полтинники** (в данном случае имеются в виду морозы до –50 градусов) и глагола **окружили** (*стать, разместиться вокруг кого-чего-нибудь* [Толковый словарь Ушакова]) автором проводится аналогия между морозами и военными-оккупантами, которые собираются захватить город, наступая на него со всех сторон. Данная метафора позволяет заострить внимание читателей на том, что весь Якутск в данный момент находится во власти сильных холодов. Развивая идею о том, что морозы – это захватчики, а жители Якутска – их заложники, автор также использует другую военную метафору с лексемой **столица** и словосочетанием **держит «осаду»**. В данном случае **осада** – *это окружение войсками укрепленного места с целью его захвата* [Толковый словарь Ушакова], а **держать осаду**, соответственно, означает *обороняться и защищаться*. Таким образом, делается упор на том, что жители Якутска не боятся холодов и готовы оказать сопротивление аномально низким температурам. Обе метафоры реализуются через оппозицию «свой-чужой».

3. *Приморье – последний бастион тепла в азиатской части России. (Gismeteo, 08.11.2021).*

В этом примере метафоризации подвергается лексема **Приморье** в сочетании с фортификационным термином **бастион** (*крепостное военное укрепление пятиугольной формы* [Толковый словарь Ожегова]) и относящимся к нему прилагательным **последний**. Уподобляя Приморский край последнему укрепленному месту, служащему для оборонительных и защитительных от вредного влияния целей, автор хочет отметить, что относительно высокая температура воздуха пока сохраняется только в этом регионе, в то время как во всех других уже наступило похолодание.

Анализ текстов российского прогноза погоды позволил нам выяснить, что используемые в нем военные метафоры, как и в британских и немецких СМИ, могут указывать на силу и интенсивность протекания погодных явлений, а также на исключительность какой-либо территории (*Приморье – последний бастион тепла*). Военные метафоры также часто указывают на оппозицию «свой-чужой», уподобляя неблагоприятные природные явления злобным захватчикам (*«полтинники» окружили Якутск*), а жителей территории, которая находится под властью непогоды, сравнивают с заложниками, которые храбро преодолевают невзгоды (*столица держит «осаду»*). «Своей» может также выступать хорошая погода (*тепло отвоюет утраченные позиции*).

Также стоит заметить, что в примерах военной метафоры из российского прогноза погоды акцент ставится не на доминировании одной из сторон и подчинении ей другой и не столько на аналогии между протекающими атмосферными процессами и началом или ходом военных действий, а скорее на обороне, оказании сопротивления неприятелю и остром желании его победить (*столица держит «осаду», тепло отвоюет утраченные позиции*). Можно сказать, что с помощью военной метафоры в российском прогнозе погоды на первый план выдвигаются смелость, сохранение силы духа в некомфортной, опасной ситуации всех тех, кто вынужден претерпевать неудобства из-за плохой погоды, а также их решительное ответное действие, выступление против «врага» и желание дать ему отпор. Можно предположить,

что это связано с суровым и часто непредсказуемым климатом, который характерен для многих регионов нашей страны.

Таким образом, военная метафора в британском, немецком и российском прогнозах погоды обладает как общими чертами, так и характерными для каждой отдельной культуры особенностями.

В результате проведенного анализа нам удалось установить, что такое погодное явление как ветер, а также изменения температуры воздуха (как потепление, так и похолодание) часто эксплицируются в британском, немецком и российском прогнозах погоды с помощью военной метафоры. Мы также выяснили, что в большинстве случаев военные метафоры, репрезентирующие погодные явления в прогнозах погоды России, Великобритании и Германии, указывают на силу происходящих в атмосфере процессов (*тепло отвоюет утраченные позиции; The UK is battling against strong winds; hohe Temperaturen dominieren über Deutschland* и д.р.). Кроме того, мы выяснили, что в некоторых случаях составителями прогнозов погоды во всех трех культурах проводятся аналогии между протекающими в атмосфере процессами (смена времен года, колебания температуры воздуха, различные погодные явления) и людьми, принимающими участие в военных действиях. Общим лейтмотивом для всех трех культур является оппозиция «свой-чужой»: ненастная погода репрезентируется составителями прогнозов погоды в качестве «чужого», врага, который пытается захватить территорию, а те, кому приходится столкнуться с неблагоприятными метеорологическими условиями, выступают в роли «своих». Можно сделать вывод, что оппозиция «свой-чужой» является базовой концептуальной оппозицией в используемой в прогнозах погоды метеорологической метафоре.

Помимо общих для всех трех культур тенденций, мы также выделили некоторые особенности, свойственные каждой из них по отдельности. Так, например, нам удалось выяснить, что милитарные метафоры в британском прогнозе погоды помогают сравнить различные природные явления с началом (*the cold front will invade*) или ходом (*the UK is battling against strong*

winds) военных действий. Акцент ставится именно на конфликте, на «битве» между непогодой и теми, кто от нее страдает.

Говоря о немецком прогнозе погоды, следует отметить, что используемые в нем военные метафоры указывают на доминирование одной из сторон «конфликта» (*hohe Temperaturen dominieren, Herbstwetter erobert ganz Deutschland*) и подчинении ей другой (*die heiße Luft wurde verdrängt aus Deutschland*). Другими словами, акцент ставится не на процессе, а на результате – победе или проигрыше одного из участников.

На наш взгляд, описывая противостояние между непогодой и теми, кто от нее страдает, авторы текстов российского прогноза погоды хотят провести аналогию с контратакой и вывести на передний план желание превозмочь все трудности, которые возникли с приходом непогоды, а также стремление оказать сопротивление и освободиться от неблагоприятного влияния природной стихии (*столица держит «осаду», тепло отвоюет утраченные позиции, Приморье – последний бастион тепла*). Поскольку климат России достаточно суров и непредсказуем, некоторым регионам нашей страны, а также проживающим на их территории россиянам, приходится вступать с ним в «противоборство».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 298–299.

2. Васильев А.А., Вильфанд Р.М. Прогноз погоды. Москва: Гидрометеорологический научно-исследовательский центр Российской Федерации, 2008. 60 с.

3. Кулебаева Е. Вербальное воплощение «Прогноза погоды» как жанра телевизионной публицистики [Электронный ресурс]. 2017. URL:https://znanio.ru/media/verbalnoe_voploschenie_prognoza_pogody_kak_zhanna_televizionnoj_publitsistiki-59343 (дата обращения: 05.03.2021)

4. Монин А.С. Прогноз погоды как задача физики. Москва: Наука, 1969. 184 с.

5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

6. Mauroux S.M. Patterns and Variation in the Weather Forecast: Can Prosodic Features be Predicted Too? [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://doi.org/10.4000/anglophonia.755> (дата обращения: 07.03.2021).

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

7. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ, 2004. 1268 с.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.

9. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 06.03.2022).

10. Duden [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 07.03.2022).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГЕРЦОГИНИ КЕМБРИДЖСКОЙ В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКИХ СМИ

Аннотация: Доклад посвящен изучению лексических средств репрезентации образа герцогини Кембриджской в заголовках британских СМИ. Анализируются заголовки таких британских газет, как “The Guardian”, “Daily Mail”, “The Independent” и др. В статье рассматриваются понятия образа известного человека в СМИ и заголовка, а также выявляются и описываются лексические средства, формирующие образ герцогини.

Ключевые слова: образ, заголовок, СМИ, герцогиня Кембриджская, лексические средства.

Abstract: The article addresses the issue of lexical means representing the image of the Duchess of Cambridge in the headlines of British media. The study analyses the headlines of such British newspapers as “The Guardian”, “Daily Mail”, “The Independent”, etc. The author examines the concepts of the image of a famous person in the media and the headline, as well as identifies and describes the lexical means that form the image of the Duchess.

Keywords: image, headline, media, Duchess of Cambridge, lexical means.

Одной из ведущих фигур Соединённого королевства является герцогиня Кембриджская Кейт Миддлтон, супруга принца Уильяма, второго в очереди на наследование британского престола. Герцогиня пользуется большой популярностью среди населения Великобритании, и даже отсутствие у неё аристократических корней вызывает у жителей страны симпатию. Для многих британцев герцогиня Кембриджская представляется не только женой наследника престола и членом королевской семьи, но и своего рода иконой стиля, образцовой матерью и представительницей британской монархии, заслуживающей доверие.

^{*} Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

Образ герцогини ярко представлен в британской прессе. Под образом известного человека в СМИ, или медиаобразом, понимается «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» [Марущак, 2012: 95].

В формировании образа известного человека особую роль играют различные лексические средства, в избытке представленные в заголовках СМИ. Заголовок в свою очередь представляет собой «языковую единицу, соотносимую с текстом как целым». Он первым бросается в глаза читателю и прогнозирует не только само содержание текста, но и определяет его последующее восприятие [Кожина, 1986: 58].

Так, основные образы Кейт Миддлтон, представленные в заголовках таких британских СМИ, как *The Guardian*, *Daily Mail*, *The Independent* и *The Sun*, следующие: герцогиня как британская икона стиля; любящая мать и член королевской семьи, заслуживающий доверия народа. Для репрезентации данных образов представительницы британской монархии в прессе активно используются различные лексические средства.

Образ, который встречается в газетных публикациях чаще всего, – это герцогиня Кембриджская как британская икона стиля. Данный образ формируется за счёт ряда синонимичных глаголов *dazzles*, *glows*, *beams*, *glitters*, а также прилагательных *radiant* и *emerald*, неоднократно мелькающих в заголовках изданий *Daily Mail* и *The Sun*. Кроме того, в контексте имени герцогини используется прилагательное *elegant*, а также выражения *ambassador of British style*, *fashion triumph*, *red carpet* и *cover star*, что помогает выстроить для читателей образ стильной, привлекающей внимание публики персоны.

Так, в газете *Daily Mail* глагол *dazzled* (ослеплять, поражать) в заголовке “Tinseltown Kate: How the elegant Duchess of Cambridge dazzled on the red carpet” (*Daily Mail*. 11.07.2011) акцентирует внимание читателей на том, что, появляясь на публике, представительница британской монархии словно светится, выделяясь на фоне других своими нарядами и привлекая внимание окружающих. Более того, нарицательное существительное *Tinsletown*, что в

английском сленге означает «мир звёзд Голливуда», и словосочетание *red carpet* (красная дорожка) дает читателям понять, что герцогиня посетила светское мероприятие, куда приглашаются исключительно знаменитые люди для того, чтобы продемонстрировать свой образ. Наряд герцогини отличается элегантностью, что также подчеркивается в заголовке с помощью прилагательного *elegant*.

Достижения герцогини в сфере моды не остаются незамеченными прессой и подчеркиваются фразовым глаголом *pull off* (добиться успеха, справиться с задачей) и существительным *triumph* (триумф, успех): “Purple princess: Kate pulls off another fashion triumph as half a million turn out in Canada (but she only has eyes for her prince)” (Daily Mail. 02.07.2011). Кроме того, с помощью прилагательного *another* (ещё один) СМИ отмечают, что это не первый выход герцогини, во время которого она поразила публику выбором своего наряда.

Несмотря на яркие, притягивающие взгляд образы, британские СМИ подчёркивают, что наряды представительницы королевской семьи не противоречат дресс-коду, о чем свидетельствует заголовок “Duchess of Cambridge embodies appropriateness with lower hemlines” (The Guardian. 18.04.2014). Так, глагол *embodies* (олицетворять, воплощать) и существительное *appropriateness* (уместность) позволяют читателям сделать вывод, что длина юбки или платья (*hemlines*) герцогини Кембриджской при подборе наряда полностью соответствует стилю официальных мероприятий.

Однако герцогиня Кембриджская как британская икона стиля не единственный образ, представленный в британских СМИ. В заголовках газет Кейт Миддлтон также фигурирует как внимательная, любящая мать троих детей – старшего сына принца Джорджа, дочери принцессы Шарлотты и младшего наследника королевского престола принца Луи. В заголовках прессы данный образ создается за счёт ряда лексических средств, среди которых прилагательное *broody*, наречия *tenderly*, *lovingly*, *proudly*, существительные *baby bump* и *youngsters*, и глагол *cradles*.

Так, будучи беременной третьим ребенком, герцогиня проявляет свой материнский инстинкт и с заботой придерживает уже округлившийся живот, на что указывают наречие *tenderly* (ласково, нежно) и глагол *cradles* (убаюкивать, воспитывать с младенчества) в заглавии статьи «Not long to go! Pregnant Kate tenderly cradles her baby bump while wrapping up her royal duties ahead of maternity leave – and William confirms she's due 'any minute now'» (Daily Mail. 21.03.2018). Пресса подчеркивает, что осталось не так много времени до рождения ребёнка, и герцогиня завершает все свои дела по королевским обязательствам, чтобы уйти в декретный отпуск (*maternity leave*) и посвятить своё время заботе о новорожденном.

Британские СМИ также подчёркивают, что герцогиня счастлива быть матерью и не стесняясь демонстрирует свой округлившийся живот (*baby bump*) на публике, о чем свидетельствуют фразовый глагол *shows off* (выставить на показ, хвастать) и наречие *proudly* (с гордостью, величаво) в заглавии “Kate's queen of the pack: The Duchess of Cambridge proudly shows off her baby bump at Windsor Castle Scouts ceremony” (Daily Mail. 22.04.2013).

Представляя герцогиню в образе матери, британские издания отмечают, что Кейт проявляет заботу не только в отношении собственных детей. Так, даже во время такого важного для британской культуры мероприятия как Церемония выноса знамени, в котором также принимает участие её супруг принц Уильям, герцогиня не оставляет без внимания юных жителей Соединённого Королевства: “Looks like someone's feeling broody, Kate! Duchess of Cambridge more interested in youngsters as Prince William takes part in his first Trooping the Colour” (Daily Mail. 12.06.2011). Наречие *broody* (наседка), существительное *youngsters* (дети, детвора) и прилагательное *interested* (заинтересованный, увлеченный) в заголовке газеты *Daily Mail* указывают на то, что Кейт наслаждается компанией детей и стремится окружить их своей заботой.

Ещё один образ, часто встречающийся в заголовках британских СМИ, – герцогиня Кембриджская как надёжный член королевской семьи, которому

можно доверять и на кого можно ориентироваться. Данный образ в британской прессе формируется за счёт прилагательных *reliable*, *consummate*, *confident* и *picture perfect*, а также выражений *great role model*, *future queen*, и *represent all modern womanhood*.

Так, газета *The Independent* использует в заглавии своей статьи, посвящённой сорокалетию герцогини, прилагательное *reliable* (надёжный, верный): “Duchess of Cambridge, the reliable royal, turns 40” (*The Independent*. 08.01.2022). Данное лексическое средство наводит читателя на мысль о том, что перед общественностью герцогиня предстает как представитель британской монархии, которому можно доверять.

Кроме того, газета *The Guardian* в качестве заголовка статьи приводит слова принца Филиппа, супруга королевы Великобритании Елизаветы II: «Prince Philip – the consummate royal wife and a great role model for Kate» (*The Guardian*. 29.06.2013). Так, прилагательное *consummate* (хорошо себя зарекомендовавший, добившийся признания) и словосочетание *great role model* (достойный образец для подражания), дают понять читателю, что в глазах британцев герцогиня выступает как ролевая модель, ориентир. Таким образом, слова принца Филиппа, авторитетного представителя британской монархии, сказанные в адрес Кейт Миддлтон, заставляют читателей ещё больше уважать герцогиню.

Выражение *future queen* в заголовке «PICTURE PERFECT Kate Middleton’s 40th birthday portraits reveal she’s ‘confident’ in her role of future Queen, says body language expert» (*The Sun*. 08.01.2022) употребляется британской прессой с целью выразить свои ожидания по поводу судьбы герцогини. Так, британцы видят в фигуре Кейт Миддлтон свою будущую королеву.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что лексические средства, используемые в заголовках британской прессы, способствуют формированию у читателей образа герцогини Кембриджской как британской иконы стиля, любящей матери и представителя королевской семьи, заслуживающего доверия, а также раскрывают такие черты герцогини

Кембриджской как любовь к моде и стилю, любовь и забота о детях и доверие со стороны британского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX – XX вв.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1986. 236 с.

2. Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. Вып. 1. С. 93–96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

3. Daily Mail. 12.06.2011 – Nicholl K. Looks like someone's feeling broody, Kate! Duchess of Cambridge more interested in youngsters as Prince William takes part in his first Trooping the Colour [Электронный ресурс] // Daily Mail, 2011. URL:<https://vk.cc/cdeRjE> (дата обращения: 22.03.2022).

4. Daily Mail. 02.07.2011 – English R. Purple princess: Kate pulls off another fashion triumph as half a million turn out in Canada (but she only has eyes for her prince) [Электронный ресурс] // Daily Mail, 2011. URL:<https://vk.cc/cdeNFZ> (дата обращения: 22.03.2022).

5. Daily Mail. 11.07.2011 – Abraham T. Tinseltown Kate: How the elegant Duchess of Cambridge dazzled on the red carpet [Электронный ресурс] // Daily Mail, 2011. URL:<https://vk.cc/cdeNiP> (дата обращения: 22.03.2022).

6. Daily Mail. 22.04.2013 – English R. Kate's queen of the pack: The Duchess of Cambridge proudly shows off her baby bump at Windsor Castle Scouts ceremony [Электронный ресурс] // Daily Mail, 2013. URL:<https://vk.cc/cdeRbj> (дата обращения: 22.03.2022).

7. The Guardian. 29.06.2013 – Betts H. Prince Philip – the consummate royal wife and a great role model for Kate [Электронный ресурс] // The Guardian, 2013. URL:<https://vk.cc/cdeRTZ> (дата обращения: 24.03.2022).

8. The Guardian. 18.04.2014 – Marriott H. Duchess of Cambridge embodies appropriateness with lower hemlines [Электронный ресурс] // The Guardian, 2014. URL:<https://vk.cc/cdeOdV> (дата обращения: 24.03.2022).

9. Daily Mail. 21.03.2018 – Brennan S. Not long to go! Pregnant Kate tenderly cradles her baby bump while wrapping up her royal duties ahead of maternity leave - and William confirms she's due 'any minute now' [Электронный ресурс] // Daily Mail, 2018. URL:<https://vk.cc/cdeQOx> (дата обращения: 22.03.2022).

10. The Independent. 08.01.2022 – Duchess of Cambridge, the reliable royal, turns 40 [Электронный ресурс] // The Independent, 2022. URL:<https://vk.cc/cdeRLu> (дата обращения: 25.03.2022).

11. The Sun. 08.01.2022 – Hall L. PICTURE PERFECT Kate Middleton's 40th birthday portraits reveal she's 'confident' in her role of future Queen, says body language expert [Электронный ресурс] // The Sun, 2022. URL:<https://vk.cc/cdeS7h> (дата обращения: 23.03.2022).

СТРАТЕГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ВРАЧА В АМЕРИКАНСКОМ СТЕНДАПЕ

Аннотация: В работе рассматриваются позитивная и негативная стратегии презентации врача в американском стендапе. Описаны используемые стендап-комиками тактики и проведён анализ актуальных средств при реализации тактик. В качестве материала исследования рассматривались выступления таких стендап-комиков, как Кевин Харт (Kevin Hart), Джим Гэффиган (Jim Gaffigan), Крис Рок (Chris Rock), Ли Эванс (Lee Evans), Дэнни Джонсон (Danny Johnson) и других.

Ключевые слова: стратегия, тактика, американский стендап, образ врача.

Abstract: The given article overviews the positive and negative strategies used in the American stand-up comedy to depict a medical professional. The work provides the description of the tactics employed by the stand-up comedians, as well as the analysis of the linguistic means when implementing the tactics. Kevin Hart, Jim Gaffigan, Chris Rock, Lee Evans, Danny Johnson and other stand-up comedians' monologues served as material for the given work.

Key words: strategy; tactic; American stand-up comedy; medical professional depiction.

Образ врача довольно широко распространён в литературе, кинематографе, его зачастую освещают различные СМИ. Однако в связи с относительно недавно возникшим интересом к жанру стендап-комедии, образ врача в юмористическом дискурсе освещён не так широко. Цель данного исследования заключается в выявлении и описании стратегий и тактик презентации врача в американском стендапе.

Присутствие врача в столь разнообразных сферах человеческой жизни, относительно недавно возникший научный интерес со стороны лингвистов к жанру стендап-комедии, а также постоянно растущий интерес к пове-

^{*} Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Ю.И. Детинко.

дению участников медицинской коммуникации – врача и пациента – обуславливают актуальность данной работы.

Поскольку исследование выполняется на материале выступлений стендап-комиков, считаем целесообразным дать характеристику жанру стендап-комедии. Стендап представляет собой «комедийное искусство, в котором комик выступает перед живой аудиторией» [Ибрагимов, Авчиева, 2020: 119].

Жанр стендап-комедии относится к юмористическому дискурсу и характеризуется своей креативной основой, прогрессивной актуальностью и, кроме того, отражает современные тенденции развития локальных и глобальных лингвосоциумов. Исследовать юмористический дискурс представляется довольно сложным для лингвистического сообщества в связи со значительным пространством для разных интерпретаций и толкований. Тема нашего исследования является особенно актуальной в лингвистике, так как язык (в любой форме и выражении), речь и юмор неразрывно связаны между собой.

Характеризуя юмористический дискурс, у исследователей возникает проблема с большим обилием терминов, отражающих различные аспекты и формы комического. Существует достаточное количество приемов комического, которое зависит от многообразия авторских приемов, ситуаций и характеров. Многие ученые рассматривают вопрос классификации приемов, не отделяя при этом невербальные средства от вербальных, комизм ситуации от комизма речи. Б. Дземидок в книге «О комическом» рассматривает основные приемы комического, объединяя их в группы:

- видоизменение и деформация явлений (преувеличение, карикатура, пародирование, гротеск, травестировка);
- неожиданные эффекты и поразительные сопоставления (остроты, основанные на контрасте разных несоизмеримых явлений);
- несоразмерность в отношениях и связях между явлениями (анахронизмы из области нравов, воззрений, языка и т.д.);

- мнимое объединение абсолютно разнородных явлений (несоответствие внешнего вида поведению, характеру выполняемой деятельности, психофизическому проявлению индивидуальности);

- создание явлений, которые по существу или по видимости отклоняются от логической или праксеологической нормы (нарушение логических норм, логическая неразбериха, хаотичность высказываний, абсурдный диалог и т.д.) [Дземидок, 1974: 88].

Стендап изобилует огромным разнообразием как остросоциальных тем, так и простых бытовых: от семейной жизни до политического устройства. Относительно часто встречается тема медицины, врачебной практики.

Материал нашего исследования составляют выступления американских стендап-комиков, в которых речь шла о врачах или медицине.

В стендап выступлениях относительно часто проскальзывает тема медицины, а точнее общая неудовлетворённость системой здравоохранения той или иной страны.

Вопрос об образе врача в различных дискурсах является одним из наиболее актуальных в современном научном сообществе. В связи с различными научными открытиями, фармацевтическими исследованиями, а также вирусными эпидемиями, отношение к врачу и его образ в общественном сознании и, следовательно, в научных исследованиях меняется. Врач как специалист представляется разносторонним профессионалом в глазах обычного человека. Он обязан обладать культурой речи, не быть равнодушным, холодным по отношению к пациентам, так как пациент должен чувствовать, что его понимают. Медик должен относиться к пациенту положительно, искренне интересуясь проблемой. «Эффективность общения зависит не только от умения грамотно строить и произносить речь...», но и подбирать подходящие лексические единицы [Копнина, 2014: 534], поскольку, как утверждают Р.В. Полякова и О.И. Маршалок, «врач или медсестра, которые “спотыкаются” на каждом слове, употребляют жаргонные слова и выражения, вызывают недоверие и неприязнь» [Полякова, Маршалок, 2012: 4].

В современном мире, вследствие цифровизации и распространения передовых технологий, работники медицинской сферы имеют тенденцию полагаться на машины при лечении пациента. Однако это вызывает недоверие со стороны пациента. Помимо прочего, уменьшается качество и количество личного общения с пациентом, что увеличивает дистанцию и непонимание между специалистом и пациентом. Образ идеального врача в представлении обычного среднестатистического человека включает культуру речи, умение слушать, сочувствовать.

Нередко образ врача в СМИ получает дуальную оценку: он создается как негативным, так и позитивным. Однако С.В. Полякова, С.Ю. Жданова, Л.О. Пузырева, Н.Ф. Авдеева в своём исследовании об образе врача в британской газете *The Guardian* пришли к выводу, что образ врача в данном СМИ больше положительный, нежели отрицательный. В том числе это видно не только в новостных заголовках, но и в комментариях к ним, которые выглядят следующим образом: *I just feel better from visiting the doctor whom I trust a lot and taking those pills* (Я просто чувствую себя лучше после визита к врачу, которому доверяю, и принятия таблеток). Исследователи пришли к такому выводу: «...анализ комментариев читателей британской газеты *The Guardian* показывает, что образ врача в блоговом дискурсе британских СМИ сложный и многоаспектный, в большей степени проявляется как положительный, чем отрицательный» [Полякова, Жданова, Пузырева, Авдеева, 2016: 89].

Ряд исследователей отмечает, что в СМИ, и в том числе в стендап-комедии, образ врача в большинстве своём негативен. «К сожалению, всё чаще в СМИ отражаются лишь случаи халатности, врачебных ошибок» [Чукаева, 2010: 83]. Обратимся к материалу британских СМИ, в которых образ врача предстаёт в негативном свете. Например, портал *Mymedinform*, опубликовал статью под названием *How to recognize a bad doctor?* («Как распознать плохого врача?»). В статье автор приводит качества, которые могут

помочь пациенту увидеть некомпетентного специалиста: как правило, это плохая репутация, вымогательство денег, быстрый осмотр и другие.

В британских СМИ главенствующими показателями плохого врача являются причинение вреда здоровью пациента, долгое ожидание помощи, отказ в оказании медицинской помощи, нарушение врачебной этики, обвинение в бездействии и халатности.

Образ врача в сознании россиян, как правило, негативный. Ярко выражено недоверие и скепсис к специалисту. Возможно, это связано с личным неудачным опытом человека. По мнению К.Д. Федорова, «у многих людей Российской Федерации отсутствует доверие современным врачам, которые кажутся им мало специализированными и безответственными...» [Федоров, 2020: 121].

Образ врача в литературе, кинематографе, различных СМИ, а также развлекательном дискурсе создаётся при помощи стратегий и тактик. Стратегии и тактики могут быть определены по-разному. В нашей работе мы будем использовать определение О.С. Иссерс, которая определяет речевую стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 1999: 122].

Стратегии реализуются в речи с помощью определённых тактик. Существуют различные определения термина «тактика», суть которых сводится к тому, что это «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Там же: 201].

В данной работе нами были рассмотрены стратегии негативной и позитивной презентации врача в американской стендап-комедии. В результате нашего исследования были выделены по три тактики в рамках каждой стратегии. В рамках стратегии негативной презентации врача выделены тактика преуменьшения значимости процедуры (роли специалиста), тактика некорректной коммуникации с пациентом по мнению самого пациента и тактика выражения сомнения в компетентности врача. В рамках стратегии позитивной презентации были выделены тактика выражения доверия врачу, тактика

оправдания действий специалиста, а также тактика похвалы. Рассмотрим реализацию некоторых тактик более подробно. Начнём со стратегии негативной презентации врача.

В первую очередь взглянем на *тактику преуменьшения значимости процедуры (роли специалиста)*. Задача данной тактики заключается в репрезентации назначаемой процедуры, либо самого специалиста намного менее важными и необходимыми, нежели это есть на самом деле.

Актуальными средствами являются намеренное использование немедицинской терминологии при описании процедур, использование упрощённых описаний, лексических единиц с семантикой недоумения, непонимания, грубая лексика. Приведём пример:

My wife informed me that she made me an appointment for the gastroenterologist. If you're unfamiliar, that's the doctor that sticks camera up your ass. (Jim Gaffigan).

Полагая, что некоторые не знают, в чем заключается функция гастроэнтеролога, комик даёт ему определение, используя грубую, немедицинскую лексику (*stick up, ass*). Комик решил сделать акцент на одном из видов эндоскопии, выполняемой данным специалистом, описывая её очень упрощённым и даже грубым языком, таким образом не только упрощая процедуру, но и уменьшая значимость иных функций специалиста.

Тактика некорректной коммуникации с пациентом по мнению самого пациента. Задача данной тактики заключается в демонстрации неумения врача взаимодействовать с пациентами. Как правило, такие сбои в коммуникации врачей с пациентами связывают с неудачно подобранными врачами лексическими единицами.

Актуальными средствами являются нерелевантная терминология, которая не соответствует медицинскому дискурсу, а также нарушение постулатов общения, в частности постулата количества. Приведём пример нарушения данного постулата при коммуникации с пациентом:

The surgeon told me, “Halfway through the operation I’ll probably stop and have lunch”. I don’t need to know that. Why even tell me that? (Jim Gaffigan).

В данном примере комик приводит слова доктора о запланированном в середине операции перерыве на обед, однако по мнению комика, данная информация была излишней (*I don’t need to know that. Why even tell me that?*). Нарушается постулат количества.

Перейдём к рассмотрению тактик стратегии позитивной презентации врача и рассмотрим тактику похвалы.

Тактика похвалы. Задача данной тактики заключается в возвышении образа врача, достижений врача путём упоминания его положительных качеств или успехов.

Актуальными средствами являются лексические единицы с семантикой позитивного отношения, сравнения (в лучшую сторону), а также хвалебная лексика, как в следующем примере:

He does care, doctors are good people, that’s why they avoid the word “pain”. They don’t wanna scare anybody. (Brian Regan)

В вышеприведённом отрывке при описании специалиста мы можем наблюдать использование лексической единицы, выражающей заботу, равнодушие (*he does care*), усиленной использованием вспомогательного глагола *does*. Помимо этого, следующее предложение содержит лексическую единицу со семантикой похвалы, описательное прилагательное *good* во фразе *doctors are good people*.

Таким образом, рассмотрев основные тактики стратегий позитивной и негативной презентации врача, а также средства реализации выявленных тактик, мы пришли к выводу, что в дискурсе американской стендап-комедии очень редко использование стратегии позитивной презентации врача, о чем свидетельствует собранный эмпирический материал. Мы предполагаем, что это может быть связано с несколькими факторами, а именно 1) общепринятым негативным образом врача в сознании аудитории, что позволяет комику

успешно реализовывать материал выступления, 2) трудностью либо невозможностью построить шутку на позитивном образе врача.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 225 с.
2. Ибрагимов С.А., Авчиева Д.Т. Зарождение стендапа в США // Страны. Языки. Культура : сборник материалов XI международной научно-практической конференции / под редакцией Н.Н. Абуевой. Махачкала: Дагестанский государственный технический университет, 2020. С. 119–120.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Ом. гос. ун-т, 1999. 284 с.
4. Копнина Г.А. Речевое манипулирование, или языковое манипулирование // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 534–535.
5. Полякова С.В., Жданова С.Ю., Пузырёва Л.О., Авдеева Н.Ф. Образ врача в британских СМИ (на примере врачей-гомеопатов) // Актуальные проблемы современной науки в XXI веке : сб. материалов 12-й международной науч.-практ. конф. (Махачкала, 25 декабря 2016 г.). Махачкала: Апробация, 2016. С. 88–90.
6. Полякова Р.В. Взаимоотношения врач – больной. Этические проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 31–36.
7. Федоров К.Д. Образ врача в современной России // I научно-педагогические чтения молодых ученых имени профессора СВ Познышева. Воронеж: Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, 2020. С. 120–124.

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПГТ. ШУШЕНСКОЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ФОКУС-ГРУППАХ)**

Аннотация: Статья посвящена изучению аксиологического концепта «Плохой человек». В ходе исследования выявлены оценочные слова, репрезентирующие данный концепт. Материалом исследования послужили данные ассоциативного эксперимента, проведённого среди жителей пгт. Шушенское в трёх возрастных фокус-группах.

Ключевые слова: аксиологический концепт, ассоциативный эксперимент, ценностная картина мира, языковые средства вербализации.

Abstract: This article is devoted to the study of the linguocultural concept of "Bad man". The study described the key character traits represented in this concept and identified the main lexical means of its actualization. The material for the study was the data of an associative experiment conducted among the residents of Shushenskoye village consisting of three age-based focus groups.

Keywords: axiological concept, associative experiment, value picture of the world, language means of verbalization.

Человеческая деятельность неразрывно связана с оцениванием явлений окружающей действительности, присваиванием им маркеров «хорошо» и «плохо». Оценка и базовые ценности выступают ключевыми понятиями лингвистической аксиологии, которые рассматривают многие исследователи: Е.М. Вольф [1985], Н.Д. Арутюнова [1988], Т.В. Маркелова [1995], Ю.Д. Апресян [1995], А. Вежбицкая [1996], Т.В. Писанова [1997], С.П. Васильева [2017] и др.

Говоря о языковой оценке, исследователи выделяют три разновидности в зависимости от её характера и природы: мелиоративная (положительная),

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Фельде.

пейоративная (отрицательная) и нейтральная (нулевая). Мелиоративная и пейоративная оценки являются полярными полюсами на условной шкале оценок относительно её точки отсчета в процессе оценочной квалификации объекта – нулевой оценки [Коваленко, 2006: 4].

Именем изучаемого концепта является словосочетание «плохой человек». Рассмотрим пейоративную оценку, заложенную в имя данного концепта. Структура семантического поля пейоративной оценки выстраивается с учетом характера и степени отклонения оценочного слова от нормы в сторону абсолютного оценочного предиката «плохо». Это отклонение от нормы к полярной характеристике «плохо» ведет к созданию отрицательных эмоциональных реакций, состояний и отношений: пренебрежения, презрения, отвращения, порицания, осуждения, уничтожения и др. [Там же: 11–12].

Среди работ, посвящённых средствам вербализации оценки, стоит выделить диссертацию Т.В. Писановой, в которой рассматривается национально-культурные аспекты оценочной семантики, делается акцент на эстетические и этические оценки. Как подчеркивает Т.В. Писанова, именно эти оценки формируют вторичную гуманизированную картину мира [Писанова, 1997: 6]. «Гуманизированная картина мира», по нашему мнению, носит оценочный характер, т.к. её основу составляют аксиологические концепты. Разделяем точку зрения Форофоновой, которая отмечает, что аксиологический концепт является ретранслятором национальной культуры, определяет шкалу ценностей, морально-нравственное состояние общества, мировоззренческие установки и модели поведения членов этноса [Форофопова, 2008: 141].

В лингвистической аксиологии и лингвокультурологии считается, что, складываясь на основе личного и культурного опыта, концепты являются духовным наследием в сознании народа, результатом познания окружающего мира, отражающим языковую и ценностную картину мира и национальный менталитет. Оценочная составляющая концепта всегда обусловлена определенными ценностями культуры [Карасик, 2009: 28].

В задачи нашей статьи входит моделирование и сопоставление ассоциативно-вербальных полей аксиологического концепта «Плохой человек», а также анализ репрезентирующих его оценочных средств языка. Эмпирической базой исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди 90 жителей пгт. Шушенское в трёх возрастных фокус-группах: 10–11 лет, 17–18 лет, 30–45 лет. Участникам было предложено написать свои ассоциации на словосочетание «плохой человек».

Всего было получено 105 реакций от респондентов младшей фокус-группы, 94 реакции от респондентов средней фокус-группы и 132 реакции от респондентов старшей фокус-группы, представленных в виде отдельных слов и словосочетаний. В результате исследования полученных реакций мы смоделировали структуру ассоциативного поля концепта «плохой человек». Под ассоциативным полем мы понимаем совокупность вербальных ассоциатов на слово-стимул, организованную по полевому принципу. В его структуре выделяется ядро, которое составляют наиболее частотные реакции, и периферия [Алефиренко, 2004: 64].

Рассмотрим ассоциативное поле концепта «плохой человек», смоделированное на основе реакций младшей возрастной группы участников эксперимента. Формально-грамматическая характеристика состава поля показывает, что больше половины ассоциаций представлены в виде негативно-оценочных глаголов (индекс частотности – 58). Кроме того, были использованы негативно-оценочные существительные (индекс частотности – 33) и прилагательные (индекс частотности – 14). Такое доминирующее положение глаголов обусловлено тем, что в силу возраста респондентам проще дать описание плохого человека через его поступки.

В ядерную зону ассоциативно-вербального поля входят следующие ассоциаты: одноклассник (индекс частотности – 13), обзывать (индекс частотности – 9), бить (индекс частотности – 7). На ближней периферии располагаются реакции: плохо поступает (индекс частотности – 5); друг (индекс ча-

стотности – 5); крадёт / вор / грабитель (индекс частотности – 5); глупый / тупой (индекс частотности – 4); матерится (индекс частотности – 3) и пр.

Интересно преобладание лексики «одноклассник», не имеющей в русском языке негативно-оценочной семантики, так же как и лексики с ближней периферии «друг» и «учитель» (индекс частотности – 2). Таким образом, опрошенные 10–11 лет апеллируют к личному школьному опыту, персонифицируя образ плохого человека. Их представление о плохом ещё недостаточно сформировано, на что указывает и лидирующая среди ближней периферии реакция «плохо поступает».

Так как респонденты чаще использовали глаголы в качестве реакций, ассоциаты в основном делятся на следующие тематические группы: причинение физического вреда (бить, ударить, калечить и пр.); причинение морального вреда (обзывать, обижать, издеваться и пр.); табуированное действие / преступник (убивает, террорист, преступник и пр.); повреждение неодушевленного объекта (портит, ломает, разрушает и пр.). Кроме того, выделяется и малочисленная группа – социально-психологический портрет (одноклассник, друг, предатель).

Ассоциаты в смоделированном ассоциативно-вербальном поле концепта находятся в парадигматических отношениях синонимии: бить – ударить, обижать – оскорблять, обзывать – дразнить, глупый – тупой и гипонимии: преступник – браконьер, террорист.

Формально-грамматическая характеристика состава поля, составленного на основе реакций респондентов среднего возраста, показывает, что оно представлено в основном негативно-оценочными прилагательными (индекс частотности – 42) и существительными (индекс частотности – 39). Респонденты в силу большего жизненного опыта могут описать плохого человека не только с помощью глаголов (индекс частотности – 13), т.е. через его поступки, но и дать конкретные характеристики.

В ядерную зону входят ассоциаты: злой (индекс частотности – 11), преступник / бандит (индекс частотности – 6), грубость (индекс частотности –

5). На ближней периферии располагаются реакции: убийца (индекс частотности – 3); ненадёжный (индекс частотности – 3); алчный (индекс частотности – 3); жадность (индекс частотности – 2); корысть (индекс частотности – 2) и пр. Интересна дальняя периферия ассоциативного поля, состоящая из единичных реакций. Как и в случае с результатами опроса респондентов младшей фокус-группы, мы находим там лексемы, не предполагающие негативно-оценочной семантики в языке, но получающие её благодаря личному опыту. Это реакции химик, ЖКХ, правительство. Опрошенные употребляли лексемы, ещё не закреплённые в словарях: «токсичный» в примерном переносном значении «человек, создающий вокруг себя нездоровую психологическую обстановку» и «абьюзер», заимствованное из английского языка в значении «человек, совершающий насилие над близким человеком».

Ассоциации респондентов 17–18 лет в целом создают психологический портрет плохого человека. Среди них можно выделить тематические группы: моральное качество (лицемерие, корысть, жадность и пр.); чувство (гнев, ненависть, ярость и пр.); характер (вредный, грозный, жёсткий и пр.); преступник (бандит, убийца, коррупционер и пр.) и негативные характеристики (безответственный, ужасный, вредный и пр.).

Реакции в ассоциативно-вербальном поле вступают в парадигматические отношения синонимии: корысть – жадность, невежливый – невоспитанный, безнравственный – аморальный; гипонимии: преступник – убийца, мошенник, коррупционер и паронимии: жёсткий – жестокий.

Последнее из смоделированных ассоциативно-вербальных полей концепта почти наполовину состоит из негативно-оценочных существительных (индекс частотности – 73). Кроме того, в формально-грамматический состав поля входят негативно-оценочные прилагательные (индекс частотности – 42) и глаголы (индекс частотности – 17). Респонденты 35–45 лет выражают свою оценку более категорично, используя инвективы с эмоционально-экспрессивной семантикой. Они входят в обширную группу единичных ре-

акций на дальней периферии поля: негодяй, мерзавец, сволочь, фашист (во втором бранном значении).

В ядерную же зону входят следующие ассоциаты: злой / злыдень (индекс частотности – 10); завистник (индекс частотности – 7); лгун / обман (индекс частотности – 6); пустослов / балабол (индекс частотности – 5). Половину этой зоны занимают реакции, связанные с коммуникативной деятельностью: лгун, пустослов / балабол. На ближней периферии располагаются реакции: вор / грабитель (индекс частотности – 4); вредный (индекс частотности – 4); лентяй / тунядец (индекс частотности – 3); лицемер (индекс частотности – 3); алчный (индекс частотности – 3) и пр. На ближней периферии находится ассоциат «редиска». Такая реакция обусловлена влиянием советского фильма «Джентельмены удачи», где используется наименование нехорошего человека на воровском сленге.

Вербально-ассоциативное поле «Нехороший человек» включает лексемы, которые: а) именуют человека по его отрицательным моральным качествам (лицемер, лгун, грубиян и пр.); б) называют негативные чувства (зависть, ненависть, разочарование и пр.); в) называют неприятные черты характера характер (вредный, неуживчивый, жёсткий, алчный, подлый, безжалостный и пр.); г) называют человека, преступившего закон, преступника преступник (маньяк, убийца, вор и пр.). Парадигматические отношения в этом ассоциативно-вербальном поле представлены синонимией: вор – грабитель, пустослов – балабол, лентяй – тунядец, пьяница – алкоголик. Гиперонимические отношения связывают ассоциаты преступник – маньяк, убийца, вор; в системные отношения паронимии вступают лексемы :жёсткий – жестокий.

Сопоставительный анализ ассоциативно-вербальных полей концепта «плохой человек», смоделированных на материале ассоциативных экспериментов в разных возрастных фокус-группах, показал различия ассоциатов ядерной зоны,. Представления о плохом человеке у респондентов 10–11 лет ещё не до конца сформированы. Напротив, респонденты 35–45 лет дают

большое число однотипных реакций – негативно-оценочных существительных и прилагательных, в том числе бранных.

Лексика, использованная участниками эксперимента, выражает разные типы оценки. Преобладающие среди реакций респондентов 10–11 лет глаголы демонстрируют этическую («злой») и нормативную («не подчиняется закону») оценки. Респонденты средней фокус-группы чаще используют оценочные существительные и прилагательные с этической («безнравственный»), нормативной («нарушает нормы») и эмоциональной («неприятный») оценками. Опрошенные в возрасте 30–45 лет активнее других применяют различные виды оценок: этическую («злыдень»), нормативную («неправильный»), утилитарную («бесполезный») и эмоциональную («противный»).

Таким образом, концепт «плохой человек» является важным компонентом русской ценностной картины мира и языкового сознания. В целом большинство реакций жителей Шушенского разных возрастных групп отражают представления об антиценностях, продиктованные общечеловеческой и национальной культурой. Возрастная вариативность содержания концепта обусловлена экстралингвистическими факторами, такими как уровень образования, культуры, жизненный опыт и наблюдение за поведением людей в повседневной жизни. Поэтому ответы респондентов из старшей возрастной фокус-группы отличаются большей эмоциональностью, однозначностью негативной оценки, а также преобладают в количественном отношении, в то время как представления младших участников эксперимента ещё только формируются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Методологические основания проблемы исследования вербализации концепта// Вестн. ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 60–66.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука 1988. 341 с.

3. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
4. Коваленко Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Барнаул, 2006. 18 с.
5. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: Высшая школа, 1997. 22 с.
6. Табурова С.К. Механизмы создания экспрессивности в репликах мужчин и женщин – депутатов Бундестага // Гендерный фактор в языке и коммуникации. М.: МГЛУ. 1999. Вып. 446. С. 93–107.
7. Форофонтова Ю.Л. Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта судьба) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 64. С. 141–146.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СЕТЕВОГО ПОЭТА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА ЛИСТОМИРОВА)

Аннотация: В статье представлены результаты анализа прецедентных текстов в структуре языковой личности сетевого поэта Владимира Листомирова. Обращается внимание на значимость сетевой поэзии в культурном отношении.

Ключевые слова: прецедентные тексты, языковая личность, сетевая поэзия, Владимир Листомиров.

Abstract: The article presents the results of the analysis of precedent texts in the structure of the language personality of the web poet Vladimir Listomirov. Attention is drawn to the cultural significance of web poetry.

Keywords: precedent texts, linguistic personality, web poetry, Vladimir Listomirov.

Феноменом современной словесности является сетевая литература – один из видов сетевого искусства, основывающегося на использовании письменности и имеющего в качестве конечного продукта «художественное произведение, размещенное в сети Интернет» [Проект, 2012: 208].

Для обозначения данного явления в разное время предлагались термины *сетевая словесность, сетература, кибература, интернет-литература*, более узкий – *литература Рунета* (и *РуЛиНет* (*русский литературный Интернет*)). Исследователи проводят линии различия между этими понятиями [Розанов, 2010; Сулова, 2013]. Наиболее понятным, нейтральным и устойчивым из перечисленного ряда, на наш взгляд, является термин *сетевая литература* и сопутствующие ему термины *сетевая поэзия, сетевой поэт, сетевой автор*.

* Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент И.В. Башкова.

Наличие феномена сетевой литературы не вызывает сомнения. Сеть – это не просто новый носитель текста, появившийся на смену бумажному, это среда, где сформировались специфичные литературные явления, разнообразные по жанрам: от малых форм юмористической поэзии типа «пирожки» до гипертекстового романа (гиперромана).

Функционирование литературы в интернет-среде привлекает пристальное внимание литературоведов и лингвистов, работающих в разных направлениях. На наш взгляд, эффективные методы анализа сетевой литературы и сетевых авторов предлагает лингвистическая персонология – наука о языковой личности.

Языковая личность – это

1) любой носитель языка, который охарактеризован «на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [Караулов, 1997: 671];

2) «наименование комплексного способа описания языковой способности индивида» [Там же], в котором системное представление языка соединяется с функциональным анализом текстов.

Таким образом, исследования языковой личности и сетевой поэзии – актуальные в настоящее время направления лингвистики. Цель нашей работы – через описание прецедентных текстов в структуре языковой личности сетевого поэта Владимира Листомирова показать значимость сетевой поэзии в культурном отношении.

Теоретической базой для исследования послужили работы по теории прецедентности [Караулов, 1987; Захаренко и др., 1997; Слышкин, Ефремова, 2004] и языковой личности [Караулов, 1997; Иванцова, 2002; Иванцова, 2010; Башкова, 2011].

Главным пунктом расхождения между исследователями сетевой литературы является вопрос о «дилетантстве» сетевых авторов, поскольку они,

находясь в непосредственном взаимодействии с читателями, минуют этапы отбора, редактуры и цензуры, традиционные для книгоиздательского дела. Эти условия делают доступной публикацию текста практически для каждого, и «современные ученые, литературные критики нередко относятся к сетевой литературе как к питательной среде для графоманов» [Дырдин, Куранов, 2008: 121]. До сих пор распространенной является точка зрения, согласно которой сетевая литература «порождает графоманов, тиражирующих приёмы постмодернизма и искажающих саму сущность художественной литературы» [Гмызина, 2017: 4]. По нашему мнению, с этой позиции невозможно оценить все многообразие сетевой литературы.

Сетевое пространство представляет собой место, где читательские отзывы, погруженность в контекст литературного процесса, помогают автору развить творческие навыки и перейти в следующую категорию литературного мастерства. Как точно заметили А.А. Дырдин и А.О. Куранов, «участие в литературно-сетевом проекте – один из способов, первая стадия преодоления дилетантства» [Дырдин, Куранов, 2008: 122]. Согласимся и с Е.В. Пономаревой, которая пишет: «Анализ ряда сайтов позволяет судить о высокой культуре блогеров и блогов» [Пономарева, 2012: 205]. Нам важно это подчеркнуть, поскольку мы, выбирая сетевого поэта для исследования, ориентировались на авторов с достаточно высоким уровнем речевой культуры.

Итак, Владимир Листомиров – молодой сетевой автор, ведущий поэтическую деятельность с 2014 года. На данный момент в его сообществе ВКонтакте [URL: <https://vk.com/public81208883>] более 40 тысяч подписчиков. Читатели не только отмечают стихотворения Листомирова оценкой «нравится», но и пишут комментарии, записывают видео с художественным прочтением его текстов, что подтверждает значимость данной языковой личности. Посмотрим, как в его стихах отразились прецедентные тексты.

Проведенный анализ показал, что в поэзии Листомирова выделяется три основных группы прецедентов: из русской литературы, из зарубежной

литературы и из мифологии. Из поля русской литературы для языковой личности Листомирова наибольшую значимость представляют прецедентные имена. Большое внимание уделяется именам авторов с трагической судьбой. Пр.: *Я прям **Есенин** – похабный малый, вдобавок, капельку скандалист, когда я выпью – хожу по бабам, когда трезвею – то мил и чист <...> Но лучше все-таки и не будет, ты нынче – верный тому пример. / Не хочешь, это с тобой обсудим? / Я жду в гостинице “Англетер”»* (И лучше все-таки здесь не будет...); *Я когда-нибудь это брошу, / И с **Александром** останусь на Чёрной речке* (Юность, прощай). Но имена авторов не всегда называются в контексте трагических жизненных событий, в стихотворении «Вагон плацкартный и полка сверху...» имя Бродского окружено совсем иной атмосферой: *Уютный свитер, носки в полоску / живи, как хочешь – все будет good /. В портфеле книжка – **Иосиф Бродский**, две старых карты / там твой маршрут.*

Когда речь идет о прецедентных именах персонажей, упоминания переплетаются с зарубежными прецедентными феноменами: *Что положено Данте, убившему **Беатриче**? <...> / Что положено **Мастеру**, если же **Маргарита** / В завершение романа под Лысой горой зарыта?* (Мне хотелось, как лучше, но вышло по факту плохо...). Можно говорить о том, что Листомиров включает русскоязычные тексты в контекст мировой культуры.

Зарубежных прецедентных текстов у Листомирова встречается значительно больше. Прослеживаются все способы введения прецедента: через заглавие, цитату, имя автора и имя персонажа [Караулов, 1987: 218]. Проиллюстрируем данное утверждение примерами. Прецедентные заголовки: *есть ещё «**Психо**» и «**Кошкина колыбель**»* (Чувство вины заглушается лишь вином...); цитата: *Куда деваются утки в Центральном парке, когда пруд замерзает? (с) Дж. Д. Сэлинджер* (здесь интересна трансформация оригинальной цитаты, которая была помещена в качестве эпиграфа в стихотворение с названием «Куда исчезают утки, когда замерзает пруд?», и финал звучит так: *Куда исчезает солнце, когда замерзаю я?*), имя автора:

...представляя, как ставлю чайник и читаю роман **Жюль Верна** (Голосуешь на автотрассе, мимо мчатся фургоны хиппи...), имя персонажа: *на небеса собравшийся Улисс / взлетает над разрушившимся мысом* (Лис роет землю).

В этой же группе типична концентрированность вставок прецедентных единиц: в одном стихотворении зачастую используется несколько упоминаний, а в стихах, написанных за короткий временной отрезок, содержатся обращения к одному тексту. Например, в апреле 2015 г. было написано два текста, где вводится измененная цитата из «Маленького принца»: *мы все за всё в ответе: лови и приручай* (Мы – солнечные блики, мы – брызги на воде...) и *Никого не приручаю, чтоб не быть потом в ответе* (с одноименным названием).

В мифологическом блоке прецедентные тексты распределены по славянской, античной и средневековой подгруппам. Прецедентные единицы довольно разнообразны. Встречаются имена Мораны: *вылиться слезой, невидимой в объятиях Мораны* (В нефритовом молчании лесов...), Галатеи: *ведь снова и снова моя Галатейя / из огненных рук / невидимой выходит* (От взора Господня нас скроют сегодня безлунные ночи...), леди Годивы: *Милый друг, / Бледнокожая годива...* (Анна, Анна...) и др. Примечательна трансформация прецедента. Так, в последнем указанном стихотворении, где годивой названа героиня Анна, имя собственное превращается в нарицательное и леди Годива становится символом моральной победы (*Я играл с тобой в игру. / Ты, конечно, / Победила*).

Осмысление мифологических образов во многих случаях является определяющим, центральным компонентом текста. Так, в стихотворении «В обезличенном небе рождается лунный серп...» происходит осмысление мифа о Прометее: *Был ли смысл бороться, когда от всего устал? / Заходящее солнце целует его уста. / Может, там, за плечами, остались одни рабы? / Прометей отвечает, / Что смысл, конечно, был.* Textoобразующую функцию в стихах Листомирова выполняют мифы и легенды об Орфее и Эвридике, птице Сирин, Гамельнском крысолове и др.

Проведенный анализ показал, что в 37 из 148 опубликованных поэтических текстов Владимира Листомирова содержатся прецеденты, что составляет $\frac{1}{4}$ от общего количества материала. В этих текстах выявлено 52 прецедентных единицы. В таблице 1 представлено их соотношение по разным тематическим блокам.

Таблица 1. Способы введения прецедентных единиц и тематические блоки источников прецедентности в стихах В. Листомирова

	Заглавие	Цитата	Имя персонажа	Имя автора	Всего
ПТ русской литературы	–	–	4	5	9
ПТ зарубежной литературы	6	3	5	9	23
Мифологические ПТ	1	–	19	–	20
Всего	7	3	28	14	52

*ПТ – прецедентные тексты

Как можно видеть, наибольшую значимость в структуре языковой личности Владимира Листомирова имеют прецедентные тексты из зарубежной литературы, самый распространенный способ введения прецедента – это имя персонажа или автора.

Анализ показал, что кругозор современного интернет-поэта охватывает широкий спектр культурно значимых текстов. Языковая личность Владимира Листомирова – это личность творческого и образованного человека, способного к глубокому осмыслению прецедентных источников.

Таким образом, проведенный анализ прецедентных текстов в структуре языковой личности сетевого поэта наглядно демонстрирует, что сетевая поэзия достойна внимания как читателей, так и исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 441 с.
2. Гмызина Э.В. Сетевая литература как явление современной культуры // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития. 2017. С. 30–32.
3. Дырдин А.А., Куранов А.О. Сетевая литература: потенциал и тенденции развития // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 4. С. 120–122.
4. Захаренко И.В. и др. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103.
5. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
6. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 1987. 264 с.
8. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия; Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 671–672.
9. Листомиров. [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://vk.com/public81208883> (дата обращения: 04.05.2022).
10. Пономарева Е.В. «Оппозиция» или «позиция»: сетевая литература в современном литературном пространстве // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. Вып. 1. С. 193–207.
11. Проект Ю.Л. Сетевая литература // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2012. Вып. 2. С. 208–209.

12. Розанов К.А. Сетература, кибература, Интернет-литература: объем понятий // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 162–165.

13. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

14. Суслова Н.В. Кибература // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2013. Вып. 1 (76). С. 177–180.

ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗА ЧЕМОДАНА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ XX ВЕКА

Аннотация: в статье анализируется поэтика вещного в творчестве писателей-эмигрантов, для которых одним из главных образов-символов становится чемодан. Предпринимается попытка классификации исследуемых образов в текстах разных писателей по пяти моделям: чемодан как мобильная библиотека, хранилище воспоминаний, спутник героя, модель мира и структура личности владельца. Делается вывод о возможности структурного описания образа и о его наследии традиций классической русской литературы, связанных с вместилищами.

Ключевые слова: эмиграция, образ чемодана, поэтика вещного, Аксёнов, Бунин, Довлатов, Ремизов.

Abstract: the article analyzes the poetics of the thing in the literary career of emigrant writers, for whom the suitcase becomes one of the main symbol/image. An attempt is made to classify the images in the texts of different writers according to five models: a suitcase as a mobile library, a storage of memories, a companion of the character, a model of the world and the structure of the owner's personality. The conclusion is made about the possibility of a structural description of the image and its legacy of traditions of classical Russian literature associated with receptacles.

Keywords: emigration, image of a suitcase, poetics of a thing, Aksenov, Bunin, Dovlatov, Remizov.

Предметно-вещный мир художественного произведения в настоящее время изучается недостаточно подробно и активно, в исследованиях о русских писателях на такие уровни текста, как повествование, сюжет, конфликт и прочие, обращают значительно больше внимания, чем на предметный мир литературы, который либо освещается предельно лаконично, либо вовсе остается за скобками. Работ, в которых дается теоретико-методологический фундамент для изысканий в данном направлении, немного [Топоров, 1983;

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова.

Коточигова, 1999; Есин, 2003]. Однако в XIX–XX веках вещь, уже будто сросшаяся с жизнью и бытом человека, становится одним из главных лейт-мотивов произведений художественной литературы. А.П. Чудаков в работе «Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого» обратил внимание на то, что не только через слово передается индивидуальность писателя, но и через мир предметов и вещей, которые наполняют пространство [Чудаков, 1986]. Вещный мир у каждого автора свой. У одних он детализирован и густо заполнен, у других – предметы упоминаются лишь вскользь в небольших эпизодах, но в то же время являются квинтэссенцией всего мира. Каждый художник говорит на «вещном» языке своего времени, своего социума.

В данной статье мы проанализировали один из ключевых предметов вещного мира писателя-эмигранта – чемодан, поскольку именно он «сопровождает» человека, покидающего страну. В ходе исследования мы выявили и описали пять моделей образа чемодана в художественном произведении: чемодан как мобильная библиотека, хранилище воспоминаний, спутник героя, модель мира и структура личности владельца.

XX век в русской культуре богат на крупные исторические события – начиная от революций и заканчивая войнами. В такое нестабильное время общество раскалывается идеологически, обостряется оппозиция «свой – чужой», и всё это приводит к вынужденным эмиграциям. Поскольку события внутри страны разворачиваются стремительно, будущие эмигранты не берут с собой все свои вещи, а чаще всего ограничиваются лишь парой чемоданов, в которых оказываются самые ценные предметы. Чемодан следует за человеком на новое место, и он – главный атрибут путешествия. Однако в связи с эмиграцией писателя чемодан является не только привычным для него символом путешествий/дороги, но и сложным художественным образом.

В цикле Бунинских путевых дневников «Воды многие» мы находим неожиданные предметы для содержимого чемодана: «Потом решительно пошел в каюту, развязал набитый книгами чемодан, <...> и торопливо стал отбирать прочитанное и не стоящее чтения» [Бунин, Т. 4, 1988: 461]. Чемо-

дан писателя заполнен нетипично: мы не видим здесь одежды и предметы личного обихода, он берет с собой «интеллектуальный багаж» – книги, и в данном случае чемодан предстает в образе небольшой мобильной библиотеки, которая всегда будет рядом с эмигрантом.

Этимологически одна из частей слова «чемодан» (перс. *jāmādān*) переводится как «хранилище» (*dān*) [Фасмер, 1987, т. 4: 332], и это можно воспринимать не столько в прямом значении как хранение одежды/вещей, сколько в переносном – как хранилище воспоминаний. Чемодан, который хранит в себе все, что связано с категорией памяти, «спасает (её) от власти времени» [Аверин, 2003: 177]. В рассказе А. Ремизова «Кубики» образ чемодана показывает себя как хранитель памяти: «Нынче выбрался я на вокзал вещи посмотреть, – писали в газетах, будто все сданное там, а также и покинутое по дороге, в целости до нас доходит. Таких, как я, лишившихся всего достояния своего и уж отчаявшихся получить что-нибудь, набралось душ пять, и мы бродили по вокзалу около сундуков и чемоданов всяких, высматривая, не окажется ли на наше счастье чего нашего? И сколько ни смотрели, а найти своего ничего не нашли. <...> Ну, на нет и суда нет. Жалко, и мне особенно жалко, что там вместе с вещами носильными и неносильными *память осталась...* (курсив наш. – В.Г.) [Ремизов, 2000, т. 3: 270–271].

Чемодан может восприниматься как человек, спутник героя. Например, чемодан из книги В. Аксёнова «Новый сладостный стиль» олицетворяется, начинает как будто сам передвигаться: «Вдруг среди первых прибыл чемодан, выскочил из преисподней, демонстрируя странную подвижность, чтобы не сказать развязность» [Аксенов, 2005]. Затем продолжает выстраиваться образ живого чемодана, который сам без чьей-либо помощи едет, сталкивается с тюком и падает. Он становится спутником героя, и потому к нему появляются чувства и отношение как к реальному человеку: «затасканный по гастролям чемоданишко, а как-то душевно дорог» [Там же]. Чемодан становится «живым» спутником героя. Можно предположить, что такое очеловечивание чемодана у писателей-эмигрантов связано с тем, что, уезжая из

страны, они на долгий период времени остаются только рядом со спутницей жизни (максимум – еще с детьми) и чемоданом, поэтому неудивительно, что он тоже приобретает характеристики живого существа, заменяя оставшихся в России близких людей и родственников.

Снова вернемся к бунинскому чемодану, но на этот раз из повести «Деревня», она написана еще до эмиграции, но уже здесь проявляется образ чемодана как структура личности владельца. «Живорез» [Бунин, 1987, т. 3: 101] Дениска решил купить потрепанный, «дешевый серый чемоданишко, щедро усеянный жестяными шляпками и перевязанный веревкой» [Там же], чтобы уехать в Тулу, но чемодан оказался для него ненужной вещью. Дениска не наполнил его ничем, и даже книжечки, которые он нес с собой, он решил положить в карман, а не в чемодан. В его «чумадане» [Там же: 46] пусто, как и за душой, – он бездельник, плут, циник; в нем нет широкой русской души, его жизнь пропащая и обречена на вырождение. Именно эта пустота, ненаполненность чемодана и передает характеристики Дениски. Вместительность вещей чемодана является зеркалом души его хозяина, вещь – это не только отражение художественного пространства произведения, но и внутреннего наполнения героя.

У С. Довлатова есть сборник рассказов «Чемодан», посвященный вещам, которые автобиографический герой берет с собой в эмиграцию. В вымышленном чемодане писателя на дне оказалась газета «Правда», в центре которой портрет Карла Маркса, а крышка была заклеена фотографиями, одна из которых – Бродский. Образ чемодана здесь проявляется как модель мира: «На дне – Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними – пропащая, бесценная, единственная жизнь» [Довлатов, 1986: 7].

В каком-то смысле именно с Маркса начинается жизнь советского человека, в том числе и автобиографического героя Довлатова, так как он жил в СССР, и доминирующей (а с 1977 года также и официальной) идеологией Советского Союза был марксизм-ленинизм. От немецкого философа остается лишь образ, его лицо, но не его идеи. Поэтому мы и находим лишь газету с

его фотографией. Бродский же находится напротив него, он для Маркса своеобразная оппозиция (не зря же поэта «попросили» выехать из страны за тунеядство). И если Маркс – на дне чемодана, т.е. у начала жизни эмигранта, то Бродский – в ее конце и является ее завершением, потому что именно он был одной из самых влиятельных фигур русской эмиграции третьей волны.

Таким образом, на данный момент нам удалось выделить пять моделей образа чемодана. Некоторые из них наследуют традиции русской литературы и восходят к классическим образам, связанным с вместилищами, – так, чемодан как структура личности владельца отсылает к сундуку Коробочки и шкатулке Чичикова Н.В. Гоголя, которые характеризуют внутренний мир героев. Или, например, если у А.С. Пушкина в пьесе «Скупой рыцарь» мы видим барона, трясущегося над сундуком с золотом, а в рассказе Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» у одноименного героя в сундуке «дрянь, ветошь, сор, мелюзга» [Достоевский, 1998, т. 1: 332], то у эмигрантов вместилище либо наполнено в целом более духовными вещами, либо его внутреннее содержание связано с архивацией памяти; их чемоданы не содержат ненужностей, что зачастую мы можем увидеть в русской литературной классике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин Б.В. Дар Мнемзины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
2. Аксенов В. Новый сладостный стиль [Электронный ресурс]. 2005. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95298> (дата обращения: 30.05.2021).
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1987–1988.
4. Довлатов С. Чемодан (сборник). М.: Азбука-Аттикус, 1986. 110 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинение: в 15 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1998.

6. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта: Наука, 2003. 248 с.
7. Коточигова Е.Р. Вещь в художественном изображении // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 1999. С. 24–31.
8. Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Русская книга, 2000–2003.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура: сборник статей. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.
11. Чудаков А.П. Предметный мир литературы (К проблемам категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / ред. коллегия М.Б. Храпченко, Г.П. Бердников, Н.К. Гей. М.: Издательство «Наука», 1986. С. 251–291.

СНЫ И СНОВИДЕНИЯ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА: ДИНАМИКА, ПОЭТИКА, КОНТЕКСТ

Аннотация: в центре внимания находятся сновидческие мотивы и их трансформация в творчестве поэтов-модернистов. Опираясь на уже существующую в науке типологию мотива сна, в статье предлагается опыт классификации сновидческих текстов С.А. Есенина, а также с помощью мотивно-языкового анализа стихотворного материала рассматривается эволюция сновидческой поэтики стихотворца.

Ключевые слова: литературный сон, сновидческие мотивы, лирика, Есенин.

Abstract: the article is focused on dream motifs and their transformation in the works of modernist poets. Using the dream motif typology already provided by science, the article offers an experience of classifying dream texts by S.A. Yesenin, and also considers the evolution of the dream poetics of the poet with the help of a motif-language analysis of poetic material.

Keywords: literary dream, dream motives, lyric poetry, Esenin.

Стабильный научный интерес к онейрическим мотивам обусловлен острым вниманием к нетрадиционным слагаемым лирических и нарративных текстов, особенно усилившим свое влияние на модернистском этапе развития поэтики. Речь идёт о таких феноменах как мета- и интертексты, видения, паранормальные состояния героев и, конечно, их сны.

Сны и сновидения – это сопровождающая человека от архаики до наших дней «нереальная реальность». Как только сон, ключевая составляющая сновидческой культуры, перешёл из мифологической сферы «пророческих голосов» в область внутреннего человека и стал формой диалога с иными пространствами – он вступил в литературу [Лотман, 1992: 223].

История изучения онейропоэтики в России начинается с 1920 г.-х и связана с именем М.О. Гершензона [Гершензон, 1924]. С середины XX века к мотиву сна в творчестве разных авторов обращались А.М. Ремизов [Ремизов,

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент К.В. Анисимов.

2000], И.В. Страхов [Страхов, 1955], Л.Л. Бельская [Бельская, 2013], В.Н. Топоров [Топоров, 1998], И.Г. Вьюшкова [Вьюшкова, 2011], В.В. Савельева [Савельева, 2013], О.В. Федунина [Федунина, 2013], Н.А. Нагорная [Нагорная, 2004] и др.

В русской литературе сновидческая традиция берет свое начало в древнерусских апокрифах – учительских снах о потусторонних силах. Средневековые авторы связывали сны с видениями, пророчествами и знамениями («Паралипомен Иеремии», «Житие протопопа Аввакума», «Слово о полку Игореве»). В эпоху рационализма XVIII в. появляется форма утопического сна с установкой на обличение (А.Н Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву», А.П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество»). С другой стороны, в русской литературе появляются сны, навеянные кальдероновскими мотивами «жизни-сна» (М.М. Херасков «Непостоянство» и др.)

С развитием сентиментализма сны не стали иррациональным композиционным компонентом. «Литературное сновидение в сентиментальной прозе по существу не обретает связи с частной психологией конкретного персонажа, становясь своего рода витиеватым орнаментом в изысканной словесной ткани» [Нечаенко, 1991: 12]. Это только украшающие, не несущие важной смысловой нагрузки элементы композиции.

Существенно меняется представление о литературных сновидениях в романтической поэтике. Для дуального мира сон – это «важный этап жизни духа» [Ельницкая, 1993: 109], связь между мирами. С одной стороны, романтики с помощью снов противопоставляют реальности иное бытие, с другой – все чаще используют уже известную мифологему «жизнь есть сон». Художественная природа сна усложняется, появляется система снов о романтической влюблённости, снов-«страхований» (А.С. Пушкин «Метель»), уже в реализме перешедшая в сферу снов-антиутопий, «болезненных снов» (Ф.М. Достоевский) и т.д. Сны переводят повествование из мира реального в мир идеальный.

«В русской классической литературе изображение сновидений дано в глубокой психологической правдивости. В этом отношении литературные сны являются одним из вспомогательных средств художественного изображения характеров» [Страхов, 1955: 123]. Так, сны в романах Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, И.А. Гончарова – это только утопические/антиутопические фрагменты-двигатели сюжета, предпосылки к последующим событиям или формы воспоминаний.

На рубеже веков роль сновидческого текста меняется. Уже поздние произведения И.С. Тургенева построены на сновидческих мотивах галлюцинаций и бредов («Песнь торжествующей любви», «Клара Милич» и т.д.). Важно отметить, что И.С. Тургенева символисты считали своим предтечей. Действительно, сновидческая традиция модернистского текста – попытка выхода в иное пространство для познания мира – часто сопровождается особыми состояниями галлюцинаций, видений и кошмаров. Суггестивная поэтика постклассических писателей все больше усложняет сновидения, уводя их от реальности: исчезают границы сна и яви, повествование обретает признаки непрекращающегося сна или бессонницы. Так, тяжелейшие кризисные сны возникают в юношеской лирике А.А. Блока («Я стремлюсь к роскошной воле» и др.), в творчестве Д.С. Мережковского возникает мотив скорби о рабском сне Родины («На Волге» и др.), у В.Я. Брюсова сновидения становятся моделью изображения иных реальностей («Огненный ангел» и др.), сновидческое творчество О.С. Мандельштама наполняется мотивами бессонницы («Бессонница. Гомер. Тугие паруса» и др.). Мотивы сна использует в патетико-пессимистической лирике и С.Я. Надсон, чьи стихотворения повлияли на ранние работы С.А. Есенина [Лекманов, Свердлов, 2011: 26].

Творчество С.А. Есенина, протекающее в русле постклассической поэтики, становится особым с позиции снов и сновидений. В контексте сновидческой традиции символистов поэтика «новокрестьянского» стихотворца разворачивается в сторону реального пространства деревни, сельской природы.

Изучение динамики сновидческого мотива в творчестве С.А. Есенина в первую очередь требует последовательного ряда источниковедческих уточнений. Обращаясь к лирическому наследию поэта, возможно выделить 102 произведения, содержащих сновидческие мотивы: 74 стихотворения, 22 «маленькие поэмы» и 6 поэм. В поэтическом наследии автора использование сновидческих мотивов неоднородно. В ходе классифицирования материала и тем, к которым обращается поэт в разные годы, определяются периоды в зависимости от перелома поэтики:

1. Крестьянский период (до 1916 г.), представленный фольклорными образами, описанием крестьянского быта, гармонично-сонной природой деревни.

2. Революционный период (1916–1920 гг.), совмещающий приподнятые настроения изменения уклада жизни и тревогу о будущем; в этот период глубокий интерес представляет мотив пробуждения Руси для освобождения от угнетателей, обусловленный историческими событиями.

3. Период искания (с 1920 г.) – рефлексия о прошлом и настоящем; мотивы сна сменяются на более темные образы видений, галлюцинаций, бессонницы.

Первый период творчества представлен 34 произведениями; второй – 28. Наибольшее количество оригинальных сновидческих текстов появляется на заключительном этапе творчества стихотворца – 40 произведений.

В лирике первого периода мотивы сна постепенно развёртываются: во-первых, появляется некий лирический субъект – это либо сам лирический герой, либо кто-то другой (обычно крестьянин); во-вторых, помимо сна природы и деревни, появляется всеобщий сон России; в-третьих, появляется мотив пробуждения ото сна; наконец, в лирические тексты выделяется мысль о том, что жизнь – это только сон. Эти намеченные только мотивы углубляются в последующей лирике автора (ср. «Исповедь самоубийцы» и «Не жалею, не зову, не плачу»).

В этот период уже заметно влияние на С.А. Есенина младших символистов: появляются религиозные образы («Задымился вечер, дремлет кот на брус», «Троицыно утро»), на фоне которых развивается мотив сна, бессонницы («Богатырский посвист», «Сонет»).

Во втором периоде творчества находим меньше произведений, содержащих сновидческие мотивы. Поэта в это время мало интересует гармония мира, природы, деревни – в его творчестве все просыпается, изменяется на фоне революционных событий. Для поэта Революция стала залогом лучшей жизни крестьянства. Тематика и стиль произведений меняется: вместо привычных крестьянских табунов и берёзок появились библейские, космические, политические метафоры. Вместо умиротворённого сна – пробуждение. Вместо выверенных строк – почти футуристический стиль оформления.

В 1918 г. году поэт напишет «Ключи Марии», в котором отметит важность «орнамента» – образов, положенных в основу творческого произведения. Сон – один из таких орнаментов. К этому времени в поэтике стихотворца происходит еще один слом. На место Есенина-революционера пришёл Есенин-имажинист. В эти шесть лет поэт сменит множество лирических масок. Уже зимой 1920 г. года поэт откроет в себе новое амплуа – «дебошира и драчуна». С этого момента в его лирике сновидческий мотив резко изменит своё качество.

Наполненность этих сновидческих текстов значительно отличается от раннего материала – во-первых, конкретизируется сам сон: часто описывается пространство видения, герои, ощущения, обозначается переход между реальностью и сном («Низкий дом с голубыми ставнями», «Годы молодые с зазубренной славой» и др.). Во-вторых, произведения этого периода почти не отписывают природу, мир, гармонию. Как правило, сновидческий текст направлен на самоописание, внутренний мир лирического героя, анализ и обдумывание произошедшего за жизнь. Это тяжелые тексты, содержащие некий надрыв, тоску по прошлому и отсутствие надежд на будущее.

В этот период поэт вновь обращается к бессоннице: «Глупое сердце, не бейся», «Какая ночь, я не могу» – видениям: «Эта улица мне знакома», «Письмо матери», «Я красивых таких не видел» и др. – сну-смерти: «Вечер чёрные брови насопил», «Золото холодной луны».

Меняется и формально-жанровая оформленность текстов – в 1921 г. году поэт пишет первую большую поэму. В «Пугачеве», «Стране негодяев» потерянное внутреннее спокойствие иллюстрируется состояниями бессонницы – болезненного опыта. Помимо названных поэм, в этот же период поэт пишет «Поэму о 36», «Анну Снегину» и «Чёрного человека». Поэтика этих текстов либо строится на воспоминаниях о прошлом, либо тоске об ушедшем – словно сонном – времени. Пожалуй, именно в поздних произведениях сновидческие мотивы становятся основой текстов С.А. Есенина. С одной стороны, может показаться, что поэтика С.А. Есенина зеркальна по отношению к самой себя: вновь у поэта появляются страдания и тоска в стихотворениях, как до 1913 г. Однако это иная тоска, уже не подражательная.

В произведениях С.А. Есенина, содержащих онейрические мотивы, видна особая эволюция взглядов и представлений человека сложного, переломного момента истории. «Если рассматривать всю поэзию Есенина, с первых стихов и до “Чёрного человека” как некий лирический “метароман”, то фабулой этого “метаромана” стала духовная биография человека эпохи революционной ломки России. А сюжетом – трагедия души, которая прошла по всем ухабам и рытвинам времени – заражалась иллюзиями и преисполнялась надеждами, мучилась жестокими сомнениями и страдала от горьких разочарований» [Лейдерман, 2007: 70]. Начиная с идеалистических стихотворений о снах Руси, С.А. Есенин переходит к мотивам кошмаров лирического героя, связанных с размышлениями о судьбе страны и отдельного человека в ней.

Тексты, относящиеся к разным периодам творчества поэта, возможно подразделить следующим образом:

Мотив сна							Мотив бессонницы
Сон как состояние России		Сон как состояние природы/деревни		Сон-смерть	Сновидение (сон как состояние субъекта)		«Темна ноченька, не спится» (1911 г.); «Сонет» (1915 г.) «На небесном синем блюде» (1915 г.) «Прощай, родная пуща» (1916 г.) «Глупое сердце не бейс» (1925 г.) «Какая ночь, я не могу» (1925 г.)
Сон	пробуждение	Сон	пробуждение	«Что прошло - не вернуть» (1911 г.) «Звуки печали» (1911 г.) «Слезы» (1911 г.) «К покойнику» (1911 г.) «На память об усопшем у могилы» (1912 г.) «Сорокоуст» (1917 г.) «Вечер чёрные брови насопил» (1923 г.) «Золото холодное Лунны» (1925 г.)	я	другой	
«Голубень» (1916 г.) «Не в моего ты Бога верила» (1916 г.) «О мать божья» (1917 г.) «Песни, песни, о чем вы кричите» (1917 г.) «Проплясал, проплакал дождь весенний» (1917 г.)	«Бога-тырский по-свист» (1914 г.) «Разбуди меня завтра рано» (1917 г.)	«Поёт зима - аукает» (1910 г.) «Ночь» (1911 г.) «Ночь» (1911 г.) «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе» (1912 г.) «Береза» (1913 г.) «Бабушкины сказки» (1913 г.) «Я пастух, мои палаты» (1913 г.) «Сохнет ставявшая глина» (1913 г.) «Чёрная, потом пропахшая выть» (1913 г.) «Топа да болота» (1913 г.) «По лесу леший кричит на сову» (1913 г.) «Пороша» (1913 г.) «Корова» (1915 г.) «О красном вечере задумалась дорога» (1916 г.) «Весна на ра-	«Троицно утро, утренний канон» (1914 г.) «С добрым утром!» (1914 г.) «Колокол дремававший» (1914 г.)		«Край любимый, сердцу снятся» (1913 г.) «Чую радуницу божью» (1913 г.) «Исповедь самоубийцы» (1913 г.) «Опять раскинулся узорно» (1916 г.) «Не бродить, не мять» (1916 г.) «Запели тёсанные дроги» (1916 г.) «Колокольчик среброзвонный» (1917 г.) «Не жалею, не зову, не плачу» (1921 г.) «Пой же, пой» (1923 г.) «Эта улица мне знакома» (1923 г.) «Я усталым таким еще не был» (1923 г.) «Годы молодые с зазубренной славой» (1924 г.) «Низкий дом с голубыми ставнями» (1924 г.) «Свет вечерний шафранного	«Вечер, как сажа» (1913 г.) «Польша» (1915 г.) «То не тучи бродят за овином» (1916 г.) «Письмо матери» (1924 г.)	

		дость не по-хожа» (1916 г.) «Даль подергулась туманом» (1916 г.) «Мечта» (1916 г.) «Гаснут красные крылья заката» (1916 г.) «Там где вечно дремлет тайна» (1917 г.) «Нивы сжаты, рощи голы» (1917 г.) «Заметает пурга белый путь» (1917 г.) «Синий май. Заревая теплынь» (1925 г.) «Заря окликает другую» (1925 г.) «Спит ковыль. Равнина дорогая» (1925 г.)			края» (1924 г.) «Вижу сон. Дорога чёрная» (1925 г.) «Видно так заведено навеки» (1925 г.) «Я красивых таких не видел» (1925 г.) «Ах, как много на свете кошечек» (1925 г.) «Ты запой мне ту песню, что прежде» (1925 г.)		
	«Певущий зов» (1917 г.) «Пришествие» (1917 г.) «Приображение» (1917 г.) «Отчарь» (1917 г.)	«Микола» (1915 г.) «Октоих» (1917 г.) «Иорданская голубица» (1918 г.)		«Ус» (1914 г.) «На Кавказе» (1924 г.)	«Пантократор» (1919 г.) «Кобыльи радости» (1919 г.) «Русь уходящая» (1924 г.) «Ленин» (2 редакции) (1924 г.) «Метель» (1924 г.) «Весна» (1924 г.) «Стансы» (1924 г.)	«Русь советская» (1924 г.) «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коро-вьем царстве» (1925 г.)	«Ответ» (1924 г.) «Письмо деду» (1924 г.)
		«Анна Снегина» (1925 г.)		«Поэма о 36» (1924 г.)			«Пугачев» (1921 г.) «Страна негодаев»

							(1923 г.) «Чёрный человек» (1925 г.)
--	--	--	--	--	--	--	---

*В стихотворениях *«Вот уж вечер. Роса»*, *«Исповедь хулигана»*, *«Не гляди на меня с упреком»* сон лишь упоминается, но классифицировать его невозможно. *«Гусляр»* и *«Песня, луг, реки затоны»* – это стихотворения-вариации, последние редакции которых вошли в представленную классификацию.

При сопоставлении конкретного мотивно-языкового материала групп лирики также можно увидеть эволюцию поэтики автора. Анализируя словесные комбинации, в которых реализуется мотива сна, от самых первых сновидческих опытов до 1917 г., заметим, что для описаний снов природы характерен глагол «дремать» и все его формы: *«Наклонивши лик свой кроткий, // Дремлет ряд плакучих ив»* (1915 г.) [Есенин, 1995, т.2: 12], *«Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема»* (1916 г.) [Есенин, 1995, т.1: 75], *«Там, где вечно дремлет тайна»* (1917 г.) [Есенин, 1995, т.1: 104]. После 1917 г. в пейзажной лирике уже фигурируют слова «сон», «сонный», «спать»: *«Ветер резвый уснул // На пути»* (1917 г.) [Есенин, 1995, т.4: 170], *«Спит черемуха в белой накидке»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 211], *«Спит ковыль. Равнина дорогая, // И свинцовой свежести полынь»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 226].

Глаголы «дремать» и «спать» не тождественны друг другу. Если в ранних произведениях мир у С.А. Есенина находится в состоянии полусна, возможно его пробуждение (отсюда мотив пробуждения в лирике 1917 г.), то после революционных стихотворений природа уже находится в состоянии сна – пробуждение невозможно. Отсюда же во всех поздних произведениях мотив смерти, неотрывно связанный с мотивом сна природы: *«И мне – чем сгнить на ветках – // Уж лучше сгореть на ветру»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 219], *«Принимаю — приди и явись, // Все явись, в чем есть боль и отрада...»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 211], *«Дайте мне на родине любимой, // Все любя, спокойно умереть!»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 226]. Справедливы эти замечания и для стихотворений, выделенных в группу снов-состояний России. Эта линия снов у поэта продуктивна только до 1917 г. Далее она транс-

формируется в субъектные сны (ср. с «Русь советская», «Русь уходящая» и др.)

К последнему периоду творчества сны уже не связываются с условностью времени года – природа находится в состоянии сна всё время, а не только зимой: «*Поёт зима – аукает // Мохнатый лес баюкает*» (1910 г.) [Есенин, 1995, т.4: 61], «*Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема, // Дорога белая узорит скользкий ров...*» (1916 г.) [Есенин, 1995, т.1: 75] – всё это зимние картины. У поэта, вслед за цикличной картиной мира, зима уподобляется сну (так же, как ночь отождествлена со сном в ранних стихотворениях: «Ночь», «Бабушкины сказки» и т.д.). В поздней лирике о природе ни зима, ни ночь не фигурируют: в стихотворении «Синий май. Заревая теплынь» (1925 г.) описана поздняя весна, «Заря окликает другую» (1925 г.) – утро, «Спит ковыль. Равнина дорогая» (1925 г.) – повествование фрагментарно, описывает лето либо начало осени в разное время суток. Но природа остается спящей.

Повторяемостью в стихотворениях о снах обладают образы дерева, леса, воды, мая, соловья. Самый частотный – «изба», «дом», трансформирующийся в «отчий дом» в позднем творчестве.

Особое место в сновидческой лирике С.А. Есенина занимает мотив пробуждения, которое во всех стихотворениях связано не только с исторической ситуацией, но и с божьим благословением. Устойчивыми становятся слова «Бог», «Господи», «купель», «ангелы».

В лирике о собственных снах характерна тема смерти, образы похорон. Мотив сна-смерти особенно повторяем в подражательной лирике до 1913 г. и после 1923 г. Если сравнивать эти тексты, видно, что в более поздних стихотворениях не сохраняется дифференциация я-другой. Мотив сна становится только фоном для рефлексии о прошедшей жизни: «Я усталым таким еще не был» (1923 г.), «Письмо матери» (1924 г.), «Вижу сон. Дорога чёрная» (1925 г.), «Метель» (1925 г.), «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (1925 г.) и т.д. Все эти стихотворения проникнуты кошмарами, страшными видениями: смертью, метелями, чертями, сценами похо-

рон, болезнями: *«Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки... // Забинтованный лежу на больничной койке»* (1924 г.) [Есенин, 1995, т.1: 178]; *«Не знаю, болен я // Или не болен, <...> Себя усопшего // В гробу я вижу // Под аллилуйные // Стенания дьячка. // Я веки мертвому себе // Спускаю ниже, // Кладя на них // Два медных пяточка»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.2: 148]; *«Вижу сон. Дорога чёрная»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 224]. Эти произведения – пример эволюции сновидческой поэтики: от «На память об усопшем на могиле» к «Метели» и «Чёрному человеку», основанных на образе смерти и похорон. По сравнению с ранним текстом меняется и субъект, и подтекст произведений: если в первом стихотворении сюжетно описаны похороны, то в поздних – похороны лирического героя – это только основа для рефлексии о прошедшей жизни.

Ранние тексты наполняются примерно одинаковыми речевыми клише: «тоска по родине», «думы», «погибшая юность», которые в поздней лирике превращаются в более поэтичные: «непутевая жизнь», «молодость пропил» и т.д. Примечательно, что большинство ранних стихотворений помимо внутреннего состояния героя описывают также окружающую природу, которая меняет весенний пейзаж на осенний. Уже в поздних произведениях этой группы «погода осенняя» превратится в «листьев медь».

Однако некоторые речевые клише сохраняются. Например, номинации «сердцу снятся»: *«Край любимый! Сердцу снятся»* (1913 г.) [Есенин, 1995, т.1: 39], *«В сердце радость детских снов»* (1913 г.) [Есенин, 1995, т.1: 56], *«Колокольчик среброзвонный, // Ты поёшь? Иль сердцу снится?»* (1917 г.) [Есенин, 1995, т.1: 82], *«В сердце снов золотых сума»* (1922 г.) [Есенин, 1995, т.1: 176], *«Сердцу снится страна другая»* (1924 г.) [Есенин, 1995, т.1: 257], *«Милая, мне скоро стукнет тридцать, // И земля милей мне с каждым днем. // Оттого и сердцу стало сниться»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 233], *«Сердцу снится душистый горошек, // И звенит голубая звезда»* (1925 г.) [Есенин, 1995, т.1: 244].

Еще одно речевое клише – «мне снится», «мне приснилось», характерное для стихотворений «Опять раскинулся узорно» (1916 г.), «Пантократор» (1919 г.), «Не жалею, не зову, не плачу» (1921 г.), «Я усталым таким еще не был» (1923 г.), «Низкий дом с голубыми ставнями» (1924 г.).

Важно, что заимствованные в ранней лирике мотивы сна-смерти, тоски по ушедшей молодости повторяются в оригинальной поздней лирике (ср. «Исповедь самоубийцы», «Троица» (1913 г.) и «Не жалею, не зову, не плачу» (1921 г.), «Я усталым таким еще не был» (1923 г.). Так, изначально оформленный сновидческий мотив переходит из стихотворения в стихотворение.

Таким образом, лирика С.А. Есенина проникнута идеей, что вся жизнь – это только сон: «*Что родина? // Ужели это сны?*» [Есенин, 1995, т.2: 94]. Все эти сны эволюционируют в творчестве поэта, однако на протяжении всего творчества мы видим совпадения образов и, что самое главное, языковые клише, которые использует автор.

Отмечая все вышеизложенное, заметим, что сновидческая лирика С.А. Есенина органично вписывается в мир онейрической поэзии модернистов, оформляя особый пласт мотивов, образов и тем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельская М.Ю. Мотив бессонницы в книге стихов М.И. Цветаевой «Вёрсты» // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. URL: <https://human.snauka.ru/2013/01/2167> (дата обращения: 04.05.2022).
2. Вьюшкова Ирина Геннадьевна Онейропоэтика поэзии и прозы Я. П. Полонского // Сибирский филологический журнал. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oneyropoetika-poezi..> (дата обращения: 18.05.2022).
3. Гершензон М.О. Сны Пушкина // Пушкин. Сборник первый / под ред. Пиксанова М.К. / М.: Государственное издательство, 1924. С. 77–96.
4. Ельницкая Л.М. Сновидения в художественном мире Лермонтова и Блока: миф о демоне // Сон — семиотическое окно. М., 1993. С. 109–114.

5. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах. М.: «Наука» – «Голос», 1995.
6. Лейдерман, Н.Л. «Совестной суд» (о поэме С. Есенина «Черный человек») // Филологический класс. 2007. №1 (17). С. 70–73.
7. Лекманов, О., Свердлов, М. Сергей Есенин : биография. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 624 с.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 273 с.
9. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М., 2004. 414 с.
10. Нечаенко Д.А. Художественная природа литературных сновидений (русская проза XIX в.): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1991. 24 с.
11. Ремизов А.М. Сны и предсонье. СПб., 2000. 230 с.
12. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы, 2013. 520 с.
13. Страхов И. В. Психология сновидений. Саратов: Изд-во Саратовского гос. пед. ин-та, 1955. 142 с.
14. Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 192 с.
15. Федунина О.В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). М.: Intrada, 2013. 196 с.

**«ШАХМАТЫ – ВЕЩЬ ВАЛКАЯ...»: РАСКОЛОТЫЙ МИР ГЕНИЯ
И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В.В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»)**

Аннотация: В докладе рассматривается художественное воплощение образов расколотого мира гения-гроссмейстера Лужина в мифопоэтическом аспекте. Падение и его результаты, репрезентации «раскола», являющиеся индикатором сюжетной коллизии, оказываются не только неразрывно связанными с категорией гениальности на разных семантических уровнях, но и наделены в «Защите Лужина» онтологическим смыслом. Искажения восприятия окружающей действительности, возникающие у главного героя романа в связи с акцентуацией на шахматной игре и вызываемые посредством падения тех или иных объектов, служат маркером «раскола» мира гения, сквозь который осуществляется переход в пространство инобытия.

Ключевые слова: В.В. Набоков, «Защита Лужина», гений, гениальность, раскол, инобытие.

Abstract: The article deals with the artistic embodiment of the images of the split world of the genius-grandmaster Luzhin in the mythopoetic aspect. The fall and its results, the representations of the "split", which are an indicator of plot collision, are not only inextricably linked with the category of geniality at different semantic levels, but are also endowed with ontological meaning in «The Defense». Cognitive biases of the surrounding reality of the protagonist arise in connection with the accentuation on the chess game, and are caused by the fall of certain objects and serve as a marker of the "split" of the world of genius, through which the transition to the space of otherworldliness is carried out.

Keywords: V.V. Nabokov, «The Defense», genius, geniality, split, otherworldliness.

Литературное наследие В.В. Набокова признано культурным явлением XX века. Разногласие в оценках критиков после публикации романа «Защита Лужина» (1929–1930) лишь содействовало популярности данного произведения и послужило «спусковым механизмом», запустившим полемику Вл. Ходасевича с Г. Адамовичем о творчестве В.В. Набокова. Краткое изложение сути их литературно-критического противостояния сводится к тому,

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Е.Г. Новикова.

что «Ходасевич писал о необходимости “меры” и “благородной искусственности” для настоящего мастера, Адамович – о несовместимости “придуманности”, сделанности, внешнего “блеска” с представлением о большой литературе, об отходе автора от традиций русского искусства» [Маликова и др., 2009: 706–707]. Стоит заметить, что Вл. Ходасевич впервые дает эстетическую трактовку «Защиты Лужина», выявляя тему Сирина (псевдоним В.В. Набокова): «жизнь художника и жизнь приема в сознании художника» [Ходасевич, 1997: 243], при этом тот «нигде не показан им прямо, а всегда под маской шахматиста, коммерсанта и т. д.» [Там же]. Критик акцентирует внимание на приёме, которым мастерски владеет В.В. Набоков – остранении, одном из способов «вывода вещи из автоматизма восприятия» [Шкловский, 1929: 13], описанном В.Б. Шкловским в ставшей хрестоматийной статье «Искусство как приём» (1917) и подразумевает под ним вслед за титаном русского формализма «показывание предмета в необычайной обстановке, придающей ему новое положение, открывающей в нём новые стороны, заставляющей воспринять его непосредственнее» [Ходасевич, 1997: 243].

Разумеется, *ex nihilo nihil fit*, и остранение, используемое В.В. Набоковым в описаниях шахматных (ир)реалий, подчеркивает факт о том, что интерес автора к этой игре был далеко не праздным: писатель «в шахматах был не любителем, но опытным ценителем <...> в апреле 1926 г. он принимал участие в сеансах одновременной игры с А. Нимцовичем и А. Алехиным и якобы свел партию с чемпионом мира к ничьей» [Шадурский, Тихонов, 2004: 80]. Сам же В.В. Набоков в «Предисловии к английскому переводу “Защиты Лужина” (“The Defense”)» признаётся, что «шахматные эффекты, которые я вставил в текст, ощутимы не только в <...> отдельных сценах; их сцепление можно обнаружить в самом основании этого симпатичного романа» [Набоков, 1997: 47].

По мнению набоковедов, «шахматный код» позволяет обнаруживать в тексте «Защиты Лужина» не только разгадку шахматных задач, сочинение которых чрезвычайно увлекало автора [Джонсон, 2011: 88], но и более глу-

бинные пласты данного произведения: так этот роман рассматривался в различных аспектах жанровых и повествовательных стратегий [Полева, 2014], с точки зрения таких категорий, как «потусторонность», «метафизика» [Александров, 1999; Барабтарло, 2011; Бойд, 2010; Джонсон, 2011], «игра» [Рахинова, 2012; Стрельникова, 2019], «миф» [Волохонский, 2001; Погребная, 2015] и многих других. Принимая во внимание указанные литературоведческие разыскания, отметим, что они явились научными истоками для проводимого нами исследования, находящегося в русле направления мифопоэтики.

Научной гипотезой статьи является утверждение о том, что проблематика гениальности, репрезентированная В.В. Набоковым посредством мирозидения главного героя романа, обуславливает обнаружение в тексте «Защиты Лужина» многочисленных реализаций сюжетно-мотивного комплекса, связанного с падением, в результате которого возникает «раскол» мира героя и последующее за ним пересечение его пределов в онтологическом смысле.

В образе гроссмейстера Лужина в романе выражены с предельной чёткостью характеристики гения, которые М.С. Нассонов причисляет к категориальному аппарату гениальности: «оторванность» от сущего во время творения, а также «способность к созданию элементов нового, наивысшего порядка» [Нассонов, 2009: 11–16]. Вышеуказанные особенности гения художественно преломлены в «Защите Лужина»: инаковость главного героя, предлагаемая В.В. Набоковым к рассмотрению сквозь призму гениальности, приводит к «распаду» мира Лужина: его причиной является недостижимый «перевод» событий внешней реальности на шахматный язык [Леденев, 2005: 21] и «трансгрессия границы между реальностью и искусством» [Букс, 2001: 332]. Исследуя проблемы переходности (*rite de passage*) в литературе, Л.Д. Бугаева указывает на то, что «расслоение» мира произведения зачастую маркируется самим «моментом перехода из одной реальности в другую» [Бугаева, 2010: 3]. При этом, по ван Геннепу, таковыми переходами служат рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная специализация и смерть [ван

Геннеп, 1999: 9]. Однако стоит оговорить специально, что в романе гениальность и эмиграция служат основополагающими факторами для пребывания героя на «границе» во всей полноте коннотаций: от ментальной, метафизической до конкретно географической. Таким образом, перефразируя М. Элиаде, можно констатировать, что для гениального человека «пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов» [Элиаде, 1994: 22]. По нашему наблюдению, искажения восприятия «мирского» пространства, возникающие у главного героя «Защиты Лужина» в связи с акцентуацией на шахматной игре, вызываются посредством падения (при всей многозначности этой лексемы). Показательной в этом контексте является цитата Вл. Ходасевича: «Подлинный мастер всегда находится на той принадлежащей обоим мирам линии, где их плоскости пересекаются. Отрыв от реальности, целостное погружение в мир искусства, где нет полета, но есть лишь бесконечное падение, – есть безумие» [Ходасевич, 2000: 66]. Как доказывает Е.В. Рахилина и её соавторы, «источником переносных употреблений в каждом случае следует считать не идею падения в целом, а <...> определенный тип неконтролируемого перемещения вниз. В частности, наступление временного периода восходит к падению с более высокой поверхности, превращение – к потере вертикальной ориентации, капитуляция – к разрушению, отставание от группы – к откреплению» [Рахилина и др., 2020: 64]. Обратимся к наиболее значимым иллюстрациям подобных прецедентов в романе.

Любопытными являются особые случаи полупадения, которые несмотря на заложенную в них семантику неполноты реализуемого действия имплицитно вводят в текст романа предзнаменования трагического исхода судьбы гениального шахматиста: так, Лужин «чуть не упал» по дороге на турнир (Набоков, 2009: 364), позднее – в трамвае, пытаясь скрыться от нескончаемого потока мыслей о повторениях и предрешенности его поступков (Там же: 461). На венчании также возникает потенциально опасная ситуация, свидетельствующая, по древним приметам, о нелегитимности брачного союза и влекущая разлад в семье, несчастье [Грушко, Медведев, 1995: 421]:

«И ко всему этому теперь прибавилась дымчатая невеста, и венец, который вздрагивал в воздухе, над самой головой, и мог, того и гляди, упасть» (здесь и далее курсив наш. – О.Л.) (Набоков, 2009: 415). В упомянутых выше эпизодах падение служит индикатором сюжетной коллизии: так, например, после турнира начинается болезнь Лужина (одна из промежуточных ситуаций); в трамвае герой сбегает от настигающей беды – переноса шахматных комбинаций в обыденную жизнь; на венчании в церкви Лужин происходит ещё одна психологическая трансформация – вступление в брак мыслится итогом инициации героя.

Жизнь Лужина неразрывно связана с шахматами – неким метафизическим пространством, на что указывает выстроенная автором система эпизодов их падения, каждый из которых подчеркивает перемену в судьбе героя: сначала он находит старые треснутые шахматы на чердаке, затем игральную доску задевает юбкой тётя, и та оказываются на полу, после этого отец выгоняет Лужина из комнаты, и вновь повторяется падение; позже шахматы роняют на пол одноклассники героя. Физическая трещина на игровом поле дублируется уже в переносном смысле в жизненном пространстве мира Лужина. При этом важно учесть контекст, сопровождающий каждый из перечисленных эпизодов.

Старые шахматы находятся на чердаке – в смертельном локусе, где хранятся вещи покойных родственников героя. Отметим, что столкновение с шахматами оказывается связанным с инфернальным пространством и характеризующими его объектами: это и старые ящики-«гробы» в письменном столе, и холодная комната деда Лужина с «мёртвым светом», и бесконечные душные залы для турниров, наполненные людьми, и даже дырявый карман героя, в котором, как в бездне, прячется миниатюрная игральная доска. О пространствах смертности в романе говорит и В.Ю. Лебедева, подчеркивая уязвимость героя перед чуждой реальностью: «Юный Лужин уходит во тьму (мотив тьмы в романе навязчив) и вскоре прочно обосновывается в ней. Она не смущает и не пугает героя, потому что он не замечает её» [Лебедева, 2009:

75]. Однако не только объекты в романе овеяны энергией Танатоса, её носителем являются и некоторые субъекты.

В следующем эпизоде тётя становится причиной падения шахмат: «Но она вдруг поднялась с места, да так резко, что задела юбкой доску и смахнула несколько фигур. В дверях стоял его отец» (Набоков, 2009: 328). Эта женщина вносит хаос в жизненное пространство героев не столько процитированным «механическим» действием, сколько его подспудной мотивировкой, внутренним смыслом: она отдаляет мужчин от дома, «раскалывает» семейный союз (адюльтер с Лужиным-старшим). Стоит указать, что именно тётя знакомит племянника с этой игрой и является своеобразным проводником в шахматную реальность. Об этом свойстве данного женского персонажа говорит и М.Ю. Антоничева: «Художественный мир Набокова представляет собой метатекст, одним из способов его синхронизации служат эпизодические персонажи. Их присутствие в тексте фиксирует границы между реальностью и ирреальным (намекает на потусторонность в произведении), формирует многомерное пространство, подчеркивает взаимодействие реальностей автора и читателя. Значимой для Набокова является возможность перехода границ, а не стремление познать иррациональное» [Антоничева, 2006: 23]. Таким образом, помимо дизъюнкции мира Лужина, безымянная тётя выполняет функцию «медиатора» между двумя «берегами» расколотовой реальности героя, ведь после случая в школе («Изверг класса одновременно щелкнул Лужина в затылок, а другой рукой сбил доску на пол. Второй раз Лужин замечал, что за валкая вещь шахматы» (Набоков, 2009: 331)) Лужин решает пропускать уроки, чтобы учиться шахматной науке у тёти.

Кроме падающих шахмат в романе присутствует столь значимый для В.В. Набокова как лепидоптеролога образ бабочки, прилетевшей на свет и упавшей на стол, за которым разыгрывали партию маленький Лужин с отцом. Он акцентирует возникшую ассоциацию с короткой жизнью юного гения и её трагическим концом: «Мохнатая, толстобрюхая ночница с горящими глазками, ударившись о лампу, упала на стол. Легко прошумел ветер по саду.

В гостиной тонко заиграли часы и *пробили двенадцать*» (Там же: 341). Полночь как мифопоэтический маркер трансформации в этом фрагменте подчеркивает семантику перехода главного героя из статуса обычного ребёнка в шахматного вундеркинда, одержавшего символическую победу над отцом. Ещё одним символом, предвещающим гибель Лужина, является как бы случайно оставленный разбитый пedomетр, который лежит на столе во время визита его одноклассников в начале романа (Там же: 321). Поврежденное ещё в детстве героя устройство для счета шагов наделено онтологическим смыслом (движение, «бытие» останавливаются, обнуляется показатель пройденного расстояния, оставляя трещину на приборе – «клеймо» смерти).

Однако самой репрезентативной реализацией сюжетно-мотивного комплекса, связанного с падением, является самоубийство Лужина. Единственная возможная реальность, в которой может существовать главный герой – шахматная, и когда его «изымают» из неё, жизнь для него теряет всякий смысл: «слова Валентинова, что теперь России не до шахмат, а сын *только шахматами жив*» (Там же: 349). Собственно, смерть представляется Лужину самым неочевидным, а потому блестящим выходом из цепи повторяющихся комбинаций: «<...> и самое простое объяснение не приходило ему в голову, как иногда, при решении задачи, ключом к ней оказывается ход, который представляется запретным, невозможным, естественным образом выпадающим из ряда возможных ходов» (Там же: 339). Именно такой «запретный» и последний шаг делает Лужин – в бездну.

Таким образом, ни на миг не прекращающаяся шахматная «мозговая игра» лишает Лужина «почвы» под ногами подобно быстро вращающейся платформе, с которой начинают неумолимо падать сначала объекты, а затем и сам субъект. Гениальность как одна из художественных линз автора фокусирует в романе репрезентации сюжетно-мотивного комплекса, связанного с падением, раскрывая тем самым его онтологический смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб.: Алетейя, 1999. 312 с.
2. Антоничева М.Ю. Границы реальности в прозе В. Набокова: Авторские повествовательные стратегии: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2006. 208 с.
3. Барабтарло Г.А. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.
4. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. 696 с.
5. Бугаева Л.Д. Литература и *rite de passage*. СПб.: Петрополис, 2010. 393 с.
6. Букс Н. «Оперные призраки» в романах В. Набокова // Набоков В.В.: *pro at contra*: материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: антология. Т. 2. СПб.: 2001. С. 328–344.
7. ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
8. Волохонский А.Г. Набоков и миф личности // Набоков В.В.: *pro at contra* : материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: антология. Т. 2. СПб.: 2001. С. 355–359.
9. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклиний, примет и поверий. Н. Новгород: Русский купец и Братья славяне, 1995. 560 с.
10. Джонсон Д.Б. Миры и антимирy Владимира Набокова. СПб.: Симпозиум, 2011. 352 с.
11. Лебедева В.Ю. Мотив метафизической смерти в русских романах В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Елец, 2009. 231 с.
12. Леденев А.В. Поэтика и стилистика В.В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX – первой половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 44 с.

13. Маликова М. и др. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. [Т. 2]. СПб.: Симпозиум, 2009. 784 с.
14. Набоков В.В. Предисловие к английскому переводу романа «Защита Лужина» («The Defense») // Набоков В.В.: pro et contra: материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова : антология. Т. 1. СПб.: РГХИ, 1997. С. 46–49.
15. Нассонов М.С. Онтологические основания гениальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Пермь, 2009. 23 с.
16. Погребная Я.В. Неомифилогизм В. В. Набокова: проблемы идентификации [Электронный ресурс] // Символ науки. 2015. № 9–2. URL: <https://clck.ru/VRR7C> (дата обращения: 09.05.2021).
17. Полева Е.А. Мотив исчезновения в романе В. Набокова «Защита Лужина» // Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции: коллективная монография. Томск, 2014. С. 249–278.
18. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Метафоры глаголов падения [Электронный ресурс] // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. №XVI. С. 64–112. URL: <https://clck.ru/gf7w5> (дата обращения: 27.02.2022).
19. Рахимова Д.И. Семантика и функционирование лексемы игра (на материале романа В.В.Набокова «Защита Лужина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 2012. 22 с.
20. Стрельникова Л.Ю. Литературная игра в ранней прозе В.В. Набокова: модернистские и постмодернистские аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Краснодар, 2019. 411 с.
21. Ходасевич Вл. О Сирине // Набоков В.В.: pro et contra : материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова : антология. Т. 1. СПб.: РГХИ, 1997. С. 238–244.
22. Ходасевич Вл. Рецензия: Защита Лужина // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 64–67.

23. Шадурский В.В., Тихонов С.В. Об одном второстепенном персонаже в романе Владимира Набокова «Защита Лужина» [Электронный ресурс]. // Вестник НовГУ. 2004. №29. С 79–83. URL: <https://clck.ru/ncV5r> (дата обращения: 29.03.2021).

24. Шкловский В.Б.. Искусство как приём [Электронный ресурс]. // О теории прозы. М.: Издательство «Федерация». 1929. С. 7–27. URL: <https://clck.ru/nPQ7s> (дата обращения: 15.02.2022).

25. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. [Т. 2]. СПб.: Симпозиум, 2009. 784 с.

НЕКАНОНИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ В ЛИРИКЕ Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ 1930–1950-Х ГГ.)

Аннотация: В представленной работе изучена поэтика неканонической элегии в лирике Н.А. Заболоцкого. Как показано в статье, поэт привносит в жанр элегии следующие нововведения: натурфилософию XX века, прежде всего, концепции ноосферы и миграции атомов В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского; мотив лежания в траве (вглядывание в природу с более близкого расстояния, подразумевающее исследовательский подход к ней); движение мира природы в сторону лирического субъекта в сюжете стихотворений; отсутствие ярко-выраженного стремления объектов мира реального к миру идеальному и др.

Ключевые слова: Н.А. Заболоцкий, жанр, элегия, лирический герой, натурфилософия.

Abstract: In the presented work, the poetics of non-canonical elegy in the lyric poetry of N.A. Zabolotsky is studied. As shown in the article, the poet brings the following new introductions to the genre of elegy: natural philosophy of the XX century, first of all, the concepts of the noosphere and the migration of atoms by V.I. Vernadsky and K.E. Tsiolkovsky; the motif of lying in the grass (looking into nature from a closer distance, implying a scientific approach to it); the movement of the natural world towards the lyrical subject in the plot of poems; the absence of a pronounced aspiration of objects of the real world to the ideal world, etc.

Keywords: N.A. Zabolotsky, genre, elegy, lyrical hero, natural philosophy.

Жанр – это тип литературного произведения. Под влиянием разных факторов (собственно литературных, биографических, исторических, политических, социальных) у каждого зарождающегося жанра появляются устойчивые семантика и структура, которые сохраняются в «памяти жанра» (термин М.М. Бахтина). Соответственно это, с одной стороны, резервуар определенных смыслов и признаков, с другой, – динамичная категория исторической поэтики. Так, в XX веке каждый автор начинает по-своему интерпретировать жанр, свидетельством чего является, например, отказ поэтов от жан-

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова.

ровых подзаголовков. Кардинально меняется художественное сознание. Поэтому в истории литературы появляется понятие «неканоническая эпоха». Одним из представителей этого периода является известный поэт Н.А. Заболоцкий, в творчестве которого можно найти неканонические элегии.

Изучением элегического жанра занимались многие исследователи, в их числе необходимо отметить труды С.Н. Бройтмана по исторической поэтике [Бройтман, 2004] и В.И. Козлова о русской элегии [Козлов, 2013]. Однако неканонические элегии Н.А. Заболоцкого до настоящего времени не становились предметом специального рассмотрения.

Расцвет жанра элегии в русской литературе связан с переводом «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского предромантика Томаса Грея, сделанный В.А. Жуковским. Важным является то, что в этой элегии была заложена устойчивая модель, которая затем трансформировалась в историко-литературном процессе, не теряя при этом своего первоначального облика. Элегический жанр пришёл в русскую литературу из Англии. «Именно с “кладбищенской” разновидности элегии начинается в русской поэзии отсчёт неканонической истории этого жанра. “Кладбищенская элегия” как раз и явилась тем жанром, “глазами” которого внешний и внутренний мир были увидены в новом свете – в свете как новой морали, так и новой поэтики» [Козлов, 2013: 36].

В своих произведениях Жуковский делит мир надвое: земной и идеальный «небесный». Лирический герой всегда полон надежд на приближение к миру идеальному, миру гармонии. Однако он терпит крах. Такая концепция отражена в «Море»: «Ты небом любуясь, дрожишь за него» (В.А. Жуковский. Море). Более того, поэт одухотворяет природу, она также имеет способность менять настроение: «Ласкаешь его облака золотые/ И радостно блещешь звездами его» (В.А. Жуковский. Море). Человек и природа тесно взаимосвязаны друг с другом. Все движения души героя показаны в панораме природы,

где также отсутствует статичность (смена настроения соответствует смене пейзажа).

Лирика А.С. Пушкина отражает в себе появление «навязчивого воспоминания» в элегиях. «В “Я помню чудное мгновенье...” (1825) воспоминание символизируется, приближаясь к способности узнавать идеал и помнить его облик. Пушкин, разрабатывая жанр аналитической элегии, привнёс драматизм в отношения лирического “я” и воспоминания – эти отношения впервые в русской поэзии появились именно у Пушкина в качестве новой сферы поэтической разработки» [Козлов, 2013: 221].

Е.А. Баратынский – ещё один яркий автор-элегик, который сыграл большую роль в становлении аналитической версии жанра. Образцом такой элегии в лирике Баратынского является «Разуверение» (1821). «Здесь же разочарованный герой показан в конкретной ситуации “искушения” “нежностью”» [Козлов, 2013: 184].

Жанровое ядро элегии XIX века включало в себя картины природы, образ могилы, образ памятника. Формула жанра – это вечерняя прогулка по природному ландшафту и размышления лирического героя о ценности прошлого. Согласно концепции Козлова, ценность прошлого в настоящем является семантической доминантой. Периферийные черты жанра зависят от типа элегии, исследователь выделяет кладбищенскую, унылую, аналитическую и другие виды.

Представленные выше факты подтверждают тезис о динамичности элегии. Каждый из представителей интересующего нас жанра вносит свои специфические особенности, по которым можно узнать элегию в лирике других поэтов. В этом плане значимым стал ряд стихотворений Н.А. Заболоцкого, чья лирика является центральным объектом в нашей работе.

Н.А. Заболоцкий – один из ведущих советских русских поэтов. В его творчестве можно выделить несколько важных этапов. Нас интересует лирика 1930–1950-х гг. Именно в стихотворениях этого периода встречаются про-

изведения, которые отличаются элегическими жанровыми особенностями. Тем не менее в них можно выделить трансформированные черты, индивидуализирующие элегию Заболоцкого. К стихотворениям такого качества были отнесены следующие: «Вчера о смерти размышляя...» (1936); «Всё, что было в душе» (1936); «Я не ищу гармонии в природе» (1947); «Завещание» (1947); «Я воспитан природой суровой» (1953); «Гроза идёт» (1957).

Рассмотрим более подробно выделенные нами стихотворения.

Стихотворение «Всё, что было в душе» состоит из четырёх четверостиший. С первой же строки мы видим воссоединение человека с природой: «И лежал я в траве, и печалью и скукой томим» (Н.А. Заболоцкий. Всё, что было в душе). Появляется лирическое «я», которое имеет определенные чувства. Движения души связаны с изменениями в природе. Этот мотив появляется в самом начале стихотворения и в самом конце: «И подобье цветка в старой книге моей шевельнулось / Так, что сердце мое шевельнулось навстречу ему» (Н.А. Заболоцкий. Всё, что было в душе). В этой элегии мы видим два мира природы – настоящий и научный (цветок, который «поднимается» над героем и цветок, нарисованный в книге). Иначе говоря, мир у Заболоцкого задваивается: есть реальная природа и есть ее изображение и осмысление в книге. Элегия Заболоцкого строится так же, как и программная элегия Жуковского «Море»: один объект отражается в другом. Но у Жуковского оба объекта природные – море отражает небо: «Ты льешься его светозарной лазурью / Вечерним и утренним светом горишь» (В.А. Жуковский. Море). У Заболоцкого природный объект – цветок – отражен в книге: «И тогда я открыл свою книгу в большом переплете, / Где на первой странице растения виден чертеж. / <...> И цветок с удивленьем смотрел на свое отражение» (Н.А. Заболоцкий. Всё, что было в душе). Лирический герой Жуковского стоит «очарован», лирический герой Заболоцкого, напротив, пришел на природу с книгой «в большом переплете». Он тоже статичен, но придвинут к природе на максимально близкое расстояние – «лежал я в траве», внимательно наблюдает за растениями и насекомыми. С появлением человека и есте-

ственно-научного издания природные объекты у Заболоцкого обретают субъектность, начинают вглядываться в книгу и мыслить: «И цветок с удивленьем смотрел на свое отраженье / И как будто пытался чужую премудрость понять / Трепетало в листах непривычное мысли движенье, / То усилие воли, которое не передать» (Н.А. Заболоцкий. Всё, что было в душе).

В стихотворении «Я воспитан природой суровой» природа не является миром идеальным, она выступает «жизненным пособием», «книгой о жизни». Заболоцкий позволяет читателю изучать мир человека через мир природы. Неслучайно большое скопление ромашек он называет «государством ромашек», а стихотворение начинается с того, что его «воспитала суровая природа».

Следует отметить, что в «Я воспитан природой суровой» и в «Всё, что было в душе» встречается мотив *лежания в траве*: «И лежал я в траве, и печалью и скукой томим» (Н.А. Заболоцкий. Всё, что было в душе).; «Посреди очарованных трав, / Все лежал бы и думал я думу» (Н.А. Заболоцкий. Я воспитан природой суровой). Исходя из этого, можно говорить об устойчивости этого мотива в лирике Заболоцкого. Он связан с внимательным вглядыванием в природу, меняется дистанция между миром природы и лирическим субъектом. Последний будто приближается к природным объектам с целью познать их сущность, чтобы обладать знаниями, которые способен разглядеть не каждый. Заболоцкий обращает на это внимание не только в элегиях. Рассмотрим отрывки из поэмы «Лодейников»: «Лодейников склонился над листьями, / И в этот миг привиделся ему / Огромный червь, железными зубами / Схвативший лист и прянувший во тьму / Так вот она, гармония природы, / Так вот они, ночные голоса!» (Н.А. Заболоцкий. Лодейников). В строках поэмы прослеживается «эффект микроскопа». Представления читателя следуют за описанием предмета. С каждой последующей строкой мы приближаемся к более мелким деталям. От совокупности листов к «червью» и, более того, к его «железным зубам». Таким образом, выделяются (в данном случае) три уровня видения. Чем ближе уровень к интересующему героя объекту, тем

больше подробность изображения: «Лодейников открыл лицо и поглядел / В траву. Трава пред ним предстала / Стеной сосудов. И любой сосуд / Светился жилками и плотью. / Трепетал Вся эта плоть и вверх росла» (Н.А. Заболоцкий. Лодейников). Лодейников будто на мгновение становится биологом-наблюдателем. Он начинает всматриваться в самые тонкие детали растений, параллельно с этим можно говорить не только о внимательном наблюдении, но и о внутреннем стремлении вникнуть в глубинные смыслы человеческой сути.

В данном исследовательском ракурсе показательным является стихотворение «Вчера о смерти размышляя...». В нем поэт не отступает от многих канонических черт элегии. Сюжет гармонично развивается с каждой последующей строкой. Движения души лирического субъекта совпадают с картинами природы. Здесь проявляется мотив, который был описан нами выше – действия природы по отношению лирического «я»: «Природа вековая / Из тьмы лесов смотрела на меня» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). Первая строка «Вчера о смерти размышляя...» включает в себя мотив неизбежности смерти, относящийся к ядру элегического жанра. Наблюдения природы «из тьмы лесов» – неизведанная сила, которую трудно увидеть невооруженным глазом. Описание пейзажа вокруг помогает более глубоко изобразить внутренний мир героя. Поэт не случайно ставит восклицательный знак после «Печального дня» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). Таким образом он определяет психологический настрой элегии. Второе четверостишие в отличие от первого отличается более стремительным разворачиванием сюжета. Строки про «пронзённое нестерпимой тоской сердце» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...) становятся кульминационными в композиции элегии. Пронзённое сердце становится символом прозрения человека, разрушением границы между миром человека и миром природы. Герой начинает не только чувствовать природу, но и слышать её. Более того, пейзаж олицетворяется поэтом: «Всё, всё услышал я – и трав вечерних пенье, / И речь воды, и камня мертвый крик» (Н.А. Заболоцкий. Вче-

ра о смерти размышляя...). «Мёртвый крик» камня также становится важным образом во втором четверостишии. Природная сила настолько сильна, что даже самые неподвижные объекты начинают совершать определенные действия навстречу лирическому «я».

В третьей части элегии начинаются не только движения души, но и передвижения лирического субъекта в пространстве: «И я, живой, скитался над полями, / Входил без страха в лес...» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). Проникновение на территорию леса начинает иметь сакральный характер, лирический герой проходит в потусторонний мир – неизведанный человеком мир природы. Мистика продолжает проявлять себя. Настроение становится более тревожным, появляются образы мертвых: «И мысли мертвецов прозрачными столбами / Вокруг меня вставали до небес» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). Подобные мотивы возвращают нас к кладбищенской элегии Жуковского.

В следующем четверостишии мы наблюдаем наделение человека чертами, характерными для природных образов. Этот мотив мы уже встречали в элегии «Завещание». Такой способ воссоединения природы и человека является индивидуальным для Заболоцкого. Природа обретает реальные лица реальных людей: «И *голос Пушкина* был над листвою слышен, / И *птицы Хлебникова* пели у воды / И встретил камень я. Был камень неподвижен, / И проступал в нем *лик Сковороды* (курсив наш. – Н.Л.)» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). У Заболоцкого это не метафоры, он считал, что человек после смерти распадается на атомы, которые потом присутствуют в природе. Такие идеи появились вследствие заинтересованности поэта в монизме ученого К.Э. Циолковского. «Земные и внеземные существа представлялись ему совокупностью атомов, которые в составе живого вещества, и особенно мозга высших животных, реализуют свою потенциальную способность к ощущению. Вне живой материи они находятся в подобии глубокого обморока, и времени для них практически не существует. После смерти и разложения органического вещества рано или поздно атомы вновь попадают в состав

другого живого тела и снова начинают чувствовать. Таким образом, состояние жизни для них можно считать непрерывным и бесконечным» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...).

Иначе говоря, Пушкин действительно может присутствовать в листве, Хлебников – в птицах, Сковорода – в камне. Литературные наклонности Заболоцкого проявлялись ещё в детстве. Тогда он начал собирать альбом из своих стихотворений, туда же вписывал и творения А.С. Пушкина. В шкафу всегда было место книге писателя, которую не раз читала маленькому Заболоцкому мама. Поэт продолжает восхищаться Пушкиным уже во взрослом возрасте, рассуждая о его особом языке в газете «Известия» в статье «Язык Пушкина и советская поэзия» [Заболоцкий, 1937]. Можно предположить, что образ поэта в листве связан с приятной ассоциацией Заболоцкого с детскими бумажными листами, собранными в единый альбомчик, со звуком перелистывания страниц толстого сборника стихотворений Пушкина перед сном нежной маминой рукой. Пушкинские произведения будто преследуют Заболоцкого на протяжении жизни, как и лирического героя во время прогулки преследует голос над листвой.

Следует отметить, что Заболоцкий также интересовался трудами русского и украинского философа, поэта Г.С. Сковороды. Он включил в примечание к одной из своих поэм «Деревья» цитату из сочинения «Разговор о душевном мире», где Сковорода развивает мысль о том, что человеку всегда стоит доверяться природе, ценить её жестокие, но справедливые законы. Возможно, образ философа в камне символизирует монументальность знаний, полученных от природы. Творчество В. Хлебникова тоже стало важным для формирования поэтической мысли Заболоцкого. «“Я вижу конские свободы / И равноправие коров...” – глубоко поражали меня. Утопическая мысль о раскрепощении животных нравилась мне. Я рассуждал так: вместе с социалистической революцией человечество вступает в новую эру существования своего. Вместе с человеком начинается новая жизнь для всей природы, ибо человек неотделим от природы, он есть часть природы, лучшая, передовая

его часть» [Заболоцкий, 1998: 148]. Скорее всего, именно развитие мотива свободы природы находит своё продолжение в элегии Заболоцкого в образе птиц.

Такое изображение пейзажа становится новшеством в творчестве поэта и в истории русской элегии. Ему не только удаётся проникнуть в глубину природного мира, но и символически описать лицо природных явлений. Как мы писали выше, у классиков природа тоже имеет свой портрет, описание деталей «тела», характер. Но попытки изобразить целостный человеческий облик, перенести в пейзаж образ реальной личности впервые удаётся Заболоцкому. Также необходимо отметить, что в этих строках Заболоцкий увековечивает поэзию своих предшественников, но в то же время воскрешает её. Мотив прогулки мимо памятника прошлого относится к ядру элегического жанра.

Завершающие строки стихотворения заключают в себе мысль о противопоставлении природы и человека. Люди продолжают вести отдельную от природы жизнь, более того, эта жизнь неразрушима, устойчива: «И все существования, все народы / *Нетленное* хранили бытие (курсив наш. – Н.Л.)» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). Лирический герой отмечает также, что он сам не является «детищем природы», но он зависим от него, как и все люди, все живые существа: «И сам я был не детище природы, / Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!» (Н.А. Заболоцкий. Вчера о смерти размышляя...). По мысли поэта именно природа преподносит ум человеку, именно она формирует его мировосприятие. Заболоцкий писал своей жене: «Мне тяжелее, чем многим другим, потому что *природа одарила меня умом* и талантом. Если бы я мог теперь писать, я бы стал писать о природе. Чем старше я становлюсь, тем ближе мне делается природа (курсив наш. – Н.Л.)» [Заболоцкий, 1965: 303]. Талант и ум в качестве дара от природы поэт рассматривает и в стихотворении «Предостережение»: «Соединив безумие с умом, / Среди пустынных смыслов мы построим дом – / Училище миров, неведомых доселе / Поэзия есть мысль, устроенная в теле» (Н.А. Заболоцкий. Предосте-

режение). Поэзия есть связующее звено между миром природы и миром человека, благодаря чему человек познаёт то, к чему нет легкого доступа. Он получает знания, которые объясняют ему всю суть бытия. И эта цепочка (от природы к поэту, от поэта к читателю) – является важным составляющим элегического жанра. Акцент на уме делает также предшественник Заболоцкого – Баратынский. У поэта есть мысль о способности человека понимать природу, благодаря тонкому уму: «С природой одною он жизнью дышал: Ручья *разумел* лепетанье, / И говор древесных листов понимал, / И чувствовал трав прозябанье (курсив наш. – *Н.Л.*)» (Е.А. Баратынский. На смерть Гёте). Однако у Баратынского отсутствует суждение о том, что ум человеку даёт природа. Такой мотив появляется именно у Заболоцкого. Более того, у Баратынского этап уразумения происходит под влиянием природы, которая по-прежнему предопределяет чувства лирического субъекта: «Или, созрев умом своим, / Уже теперь постигла им / Она безумство увлечения? / Уразумела, как смешно / И легкомысленно оно...» (Е.А. Баратынский. Цыганка). Заболоцкий опускает сентиментальное начало в своих элегиях. Однако мотив, строящийся на уразумении человека под влиянием природы и нахождения им в результате ответов на волнующие его вопросы – есть у обоих поэтов, что позволяет сделать вывод о трансформации элегического жанра. Элегия «Вчера о смерти размышляя...» отражает основные натурфилософские принципы поэта.

У классиков XIX в. природа тоже имеет свой характер. Но попытка изобразить целостный человеческий облик, перенести в пейзаж образ реальной личности впервые удаётся Заболоцкому. У него философствует не только лирический герой, но и природа, которая имеет свой мир, свои законы, свой язык и даже своё лицо. Человек же, познавая эту часть мира, изучает себя. Неканонические элегии составляют особую часть творчества Заболоцкого. Свидетельствуют о его способности выразить невыразимое, дать читателю возможность прочувствовать то, что в повседневной жизни остаётся за «твёрдой стеной» между внутренним и внешним миром человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 1963. С. 177–178.
2. Заболоцкий Н.Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М.: Согласие, 1998. 592 с.
3. Заболоцкий Н.А. «Язык Пушкина и советская поэзия» (заметки писателя) // Известия. 1937. № 22 (6184). С. 6.
4. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. 280 с.
5. Теория литературных жанров: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2011. 492 с.
6. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

7. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1936. 431 с.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999 – по н.в.
9. Заболоцкий Н.А. Стихотворение и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 483 с.

**ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ-КЛАССИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX В.: СЦЕНАРИИ И ТЕКСТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОДОВЩИН
И.А. КРЫЛОВА И А.С. ПУШКИНА)**

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ образов писателей-юбиляров XIX в., формировавшихся на разных этапах конструирования национального литературного канона. В центре исследовательского внимания находятся прижизненный юбилей И. А. Крылова 1838 года и посмертный юбилей А. С. Пушкина 1899 года, «сценарии» проведения данных торжеств и жанровый генезис юбилейных стихотворений в честь поэтов.

Ключевые слова: юбилей писателя-классика, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, юбилейное стихотворение, жанр.

Abstract: The article presents a comparative analysis of the images of writers' anniversaries of the XIX century, formed at different stages of the construction of the national literary canon. The research focuses on the anniversary of I. A. Krylov in 1838 and the posthumous anniversary of A. S. Pushkin in 1899, the "scenarios" of these celebrations and the genre genesis of jubilee poems in honor of the poets.

Keywords: anniversary of the classic writer, I. A. Krylov, A. S. Pushkin, anniversary poem, genre.

Юбилей писателя – это культурный праздник, а феномен праздника тесно связан с коллективной памятью. При анализе писательских юбилеев и приуроченных к ним текстов целесообразно опираться на труды А. Ассман, которая рассматривает понятия индивидуальных и коллективных воспоминаний. Первые представляют собой память конкретного человека, тогда как вторые складываются из индивидуальных и составляют «память общества» [Ассман, 2014: 25]. Для закрепления памяти в истории человечества создаются архивы, музеи, библиотеки, где мы можем найти различные рукописи, до-

¹ Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова.

кументы и другие важные материалы, содержащие сведения о человеке или о событии. Всё это составляет культурную память.

Говоря о литературном празднике, стоит отметить, что традиция его проведения пришла в русскую культуру из-за границы. Г. Блум рассуждает о том, что помогло определённым авторам войти в литературный канон: «Они (авторы. – *О.П.*) были отобраны в силу их возвышенности и репрезентативности» [Блум, 2017: 9]. Э. Дюркгейм в свою очередь рассматривает феномен религии и отмечает, что «это явление в высшей степени социальное» [Дюркгейм, 2018: 64]. Литературного деятеля позволительно назвать «литературным идолом», по праву занимающим лидирующие позиции в творчестве, чьи труды накладывают определённый отпечаток на эстетические, нравственные и другие аспекты мировоззрения людей: «Если общество увлекается каким-либо человеком, если верит, что обрело в нём свои самые главные стремления, а также способы воплотить их, то этот человек становится не имеющим себе равных, его практически обожествляют. Общественное мнение наделяет этого человека величием, тождественным тому, которое защищает богов» [Там же, 2018: 381].

В настоящей статье обратимся к феномену писательского юбилея и связанному с ним жанру юбилейного стихотворения. Репрезентативными источниками в данном аспекте являются тексты следующих авторов: «День счастливый, день прекрасный...» В. Г. Бенедиктова, «Песнь в день юбилея И. А. Крылова» П. А. Вяземского, «Тебе, поэт родного края...» Н. Глоке, «Три зари» А. С. Ермолова, «Родному поэту» З. Куровской, «Юбилей А. Н. Плещеева» Д. Мережковского, «Гимн Пушкину» К. К. Случевского, «Князю П. А. Вяземскому» Ф. И. Тютчева, «На юбилей А.Н. Майкова (Как привлечь к себе внимание...)» и «На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 года (Пятьдесят лебедей пронесли)» А. А. Фета и др. Теоретико-методологическая база исследования представлена работами А. Ассман [Ассман, 2014], Г. Блума [Блум, 2017], Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 2018], С. О. Жупанина [Жупанин, 2018], Е. А. Зонтовой [Зонтова, 2015], Е. Э. Ля-

миной, Н. В. Самовер [Лямина, Самовер, 2017, 2018], Ю. М. Лотмана [Лотман, 1992] и И. Щеглова [Щеглов, 1909].

Классифицируем писательские юбилеи и приуроченные к ним тексты. В первую очередь, необходимо выделить прижизненные и посмертные празднества. Они различаются стратегией празднования: в первом случае цель торжества – поздравление и восхваление юбиляра, его творчества и пожелания на будущее, во втором – воспоминание об авторе, актуализация его заслуг, а также закрепление фигуры писателя в литературном пантеоне. Кроме того, необходимо выявить различия юбилеев в зависимости от историко-литературного контекста, в этом случае юбилеи 1830-х и 1890-х гг. будут принадлежать разным эпохам. Ранние юбилеи писателей не достигают такого масштаба, как в 1890-х гг., что отражается на «сценариях» юбилеев, на количестве и жанровых традициях юбилейных стихотворений: в текстах о Крылове – это панегирик и ода, о Пушкине – житие.

Прижизненный юбилей в честь И. А. Крылова является первым юбилеем «классика» в России и показателен как один из первых прецедентов масштабного чествования русского писателя и предпосылка для последующего формирования литературного канона. Посмертное торжество в честь столетия со дня рождения Александра Сергеевича связано с закреплением поэта в статусе центральной фигуры национального канона. Оно выступает ключевым моментом самосознания отечественной литературы и актом признания за автором «Евгения Онегина» статуса главного национального классика.

Можно выделить несколько уровней празднования юбилея писателя: академический, показывающий внимание академической среды к фигуре юбиляра; официальный, с которым связана деятельность учебных заведений, церкви, императорского двора в период проведения торжеств; литературный, включающий поздравления авторов-коллег; народный, состоящий из мероприятий для демократических слоев населения [Анисимова, 2016: 54]. Рассмотрим представленность данных уровней в сценариях прижизненного юбилея И. А. Крылова и посмертного торжества в честь А. С. Пушкина.

Академический уровень торжества в честь И. А. Крылова не состоялся, так как сам он был членом Академии наук, где было запрещено праздновать юбилеи своих членов [Лямина, Самовер, 2018: 23–24]. О народном уровне мы также не можем говорить, так как в 1830-е гг. ещё не было принято отмечать годовщины писателей всей страной. Наиболее выраженными оказались официальный и литературный уровни празднования. Проведение торжества, как указывают Е. Лямина и Н. Самовер, было согласовано с императором Николаем I и графом С.С. Уваровым, министром народного просвещения. Последний вручил имениннику орден св. Станислава 2-й степени. Кроме того, была изготовлена медаль с изображением именинника, учреждена его именная стипендия, вручен лавровый венок и изготовлен бюст [Тимофеева, 2017: 36–37; Лямина, Самовер, 2018: 43]. Литературный уровень празднования характеризовался тем, что в честь именинника были произнесены поздравительные тосты таких литераторов, как В. А. Жуковский и В. Ф. Одоевский, написано юбилейное стихотворение-панегирик «Песнь в день юбилея И. А. Крылова» П. А. Вяземским.

В основной части этого произведения описаны профессиональные качества Крылова, его творчеством общественные заслуги:

Все заодно, все без изъятья,

Мы влюблены в его жену.

<...>

Мудрец игривый и глубокий,

Простосердечное дитя...

<...>

Прошел со славой долгий путь.

<...>

Изба его детьми богата

Под сенью брачного венца;

И дети – славные ребята!

И дети все умны – в отца.

<...>

И дочкам он давал уроки,
И батюшек учил шутя...

<...>

Где нужно, он навесть умеет
Свое волшебное стекло,
И в зеркале его яснее
Суровой истины чело.

<...>

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль [Вяземский, 1880: 211–213].

Вяземский создаёт прижизненный литературный памятник баснописцу, подчёркивая актуальность его творческого наследия как для современников юбиляра, так и для потомков:

И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят:
Её давно мы затвердили,
Её и внуки затвердят [Там же].

Говоря о влиянии творчества автора на людей, можно вспомнить басню «Демьянова уха», визитную карточку Крылова, где главный герой сравнивается с писателем, которого не хочется слушать, он «помолчать во время не умеет» и «ближнего ушей не жалеет». Как мы знаем, впоследствии выражение «Демьянова уха» стало идиоматическим.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь:
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь:
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи [Крылов, 1945–1946: 102].

В части стихов с пожеланиями юбиляру говорится о его творческом процветании и о дальнейшем здравствовании:

Чтобы от свадьбы золотой
Он дожил до алмазной свадьбы
С своей столетнею женой.

<...>

Здравствуй, дедушка Крылов! [Вяземский, 1880: 213]

Формула «дедушка Крылов» впоследствии закрепила за образом автора. Юбилейное стихотворение фиксирует реноме Крылова как «дедушки», акцентируя большое воспитательное значение творчества баснописца.

Необходимо отметить семейственный мотивно-образный ряд юбилейного стихотворения: «его жена» – муза писателя, «дети» – произведения автора, «дедушка» – сам Крылов [Вяземский, 1880: 211–213]. Писатель, мудрый «дедушка», вдохновлённый музой, создаёт свои тексты.

Особенности торжества в честь А. С. Пушкина уже отразили академический уровень празднования: Министерство приобрело 2,5 тысячи медалей, выпущенных Императорской академией наук. Также были изданы сборник произведений А. С. Пушкина и его портреты [Жупанин, 2018: 109–111]. Официальный уровень характеризовался тем, что Николай II издал указ по формированию специальной Юбилейной Пушкинской комиссии. Для организации торжества в разных городах страны были созданы благотворительные фонды, а программа юбилея началась с богослужения в Успенском соборе. После обедни на могиле автора прошла панихида, после чего в учебных заведениях состоялось собрание, где были произнесены речи и отрывки из сочинений поэта, прочитаны статьи о его роли для страны [Зонтова, 2015: 164–167].

В числе мероприятий на юбилей также стоит отметить установку открытой сцены, качели, карусели, столбов для лазанья для народа. На открытой сцене люди могли увидеть отрывки из некоторых постановок произведений Пушкина. Во дворе монастыря, где состоялась панихида, был организован буфет. Присутствовать на второй панихиде могли простые люди, не попавшие в храм на первую церемонию. Это иллюстрирует народный уровень

празднования [Зонтова, 2015: 168–169]. Обряд возложения венков к бюсту поэта и прочтение стихотворений в его честь таких авторов, как В. А. Мазуркевич, Е. Порфирьев, князь В. В. Барятинский, К. И. Льдов, Т. Л. Щепкина-Куперник, указывают на литературный уровень торжества.

Посвященные Пушкину юбилейные стихотворения отличались не только количеством, но и сменой жанровых акцентов. Если стихи в честь Крылова были написаны в русле панегирика и оды, то посмертный характер пушкинских юбилейных торжеств привнёс в сочинения житийные традиции. В статье «Литературная биография в историко-культурном контексте» Ю. М. Лотман отмечает, что «...в литературе самое главное – не литература и что биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество» [Лотман, 1992: 374]. Писатель, подобно святому, проходит три стадии: проповедничество, подвижничество и мученичество. В русской культуре только своей биографией писатель получает право говорить от лица бога на земле и нести правду людям.

Обратимся к стихотворению «Три зари» А. С. Ермолова. Сначала автор описывает «чудесное» рождение поэта. Мальчик с рождения был благословлён на то, чтобы стать поэтом-пророком:

Спит младенец, небесным повитый лучом...

<...>

...над ним хоры ангелов Божиих пели

Песни те, что споет он России потом [Ермолов, 1903: 201].

Далее Пушкин показан в роли пророка, борца за правду, за справедливость, врачевателя людских «печалей и скорбей, и ран». Однако при этом поэт оказывается непонятым и одиноким:

Но пришельца толпа принимает сурово,

Непонятны поэта ей вещие сны,

Непонятен и чужд ей стремлений высоких

Правды вечной поэта могучий призыв [Там же].

Но он продолжает выполнять свою роль подвижника. Далее свершается прижизненное чудо:

Блеском нового солнца страна озарилась,
И небесным огнем загорелись сердца;
Как красавица, спящая Русь пробудилась
И восстала на встречу родного певца [Там же: 202].

Смерть поэта описана А. С. Ермоловым как смерть мученика, ставшего «жертвой зависти, злобы и мести». Показательны строки описания последних минут жизни Пушкина – так умирает святой, славя Христа:

Выше, в область предвечного света,
Со словами прощенья во имя Христа
Чистый дух устремлялся поэта [Там же: 203].

Финал стихотворения можно сравнить с описанием чудес, которые происходят после смерти святого:

И, как колокол, будит отчизны сынов
Речь поэта почившего снова,
Призывая к добру, семя правды кругом
Сеет он на народную ниву [Там же].

Итак, прижизненный юбилей И. А. Крылова включал в себя только официальный и литературный уровни празднования, т.к. в 1830-х гг. празднование юбилеев писателей ещё не достигло такого масштабного уровня, как это было в 1890-е гг. Юбилей баснописца показателен для нас как предпосылка формирования литературного канона. 100-летний юбилей со дня рождения А. С. Пушкина отразился на всех четырёх уровнях празднования. Это является подтверждением того, что писатель прошёл проверку временем и заслужил право не просто вхождения, но и закрепления в национальном литературном каноне.

Для прижизненного юбилея И. А. Крылова стоит особо отметить жанр панегирика, как восхваляющий текст, благодаря которому автор показан как любимый всеми «дедушка Крылов», чьи советы с благодарностью принима-

ют внуки, а также как прародитель современного ему поколения писателей. Для конструирования образа юбиляра при посмертном торжестве в честь А. С. Пушкина определяющим стал жанр жития, благодаря которому поэт воспринимается как святой мученик, ставший носителем божественной истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е. Е. Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск: СФУ, 2016. 467 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времён. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
4. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. IV. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева, 1880. 404 с.
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. Земсковой. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
6. Ермолов А. С. «Три зари» («Загорелась заря над Москвой златоглавой...») // *Ruschkiniiana* / сост. В. В. Каллаш. Киев, 1902–1903. Вып. 2. 1903. С. 201–204.
7. Жупанин С. О. «Празднование юбилея А. С. Пушкина в 1899 г. По материалам газеты “Кубанские областные ведомости”» // Фелицинские чтения (XX): проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия: сб. трудов конференции. Краснодар: КГИАМЗ, 2018. С. 109–111.
8. Зонтова Е. А. Юбилейные Пушкинские торжества 1899 г. в Святых Горах // *Клио*. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2015. № 5 (101). С. 164–171.

9. Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945–1946. Т. 3. 608 с.
10. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. С. 365–377.
11. Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Крыловский юбилей 1838 года как культурный и идеологический феномен // Транснациональное в русской культуре. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XV*: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 6–83.
12. Тимофеева Л. А. «Юбилейные книги» И. А. Крылова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): сб. науч. тр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 36–43.
13. Щеглов И. Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб.: «Мир» В.Л. Богушевского, 1909. 179 с.

ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В статье впервые вводится понятие красноярского текста как локальной структурно-семантической категории русской культуры. Раскрываются особенности красноярского текста в русской литературе и выявляются основные доминанты, характеризующие семиотическое пространство города.

Ключевые слова: локальный текст, Красноярский текст, образ пространства.

Abstract: The article introduces for the first time the concept of the Krasnoyarsk text as a local structural-semantic category of Russian culture. The features of the Krasnoyarsk text in Russian literature and the main dominants that characterize the semiotic space of the city are revealed.

Keywords: local text, Krasnoyarsk text, image of space.

Сегодня изучение локальных текстов русской культуры превращается в быстро развивающееся направление в филологии. Локальный текст – это корпус «текстов о месте», благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик. Впоследствии некоторые из них становятся константами (например, «призрачный миражный Петербург»).

Методологические основы исследований в этом направлении заложены в классических работах В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» и В.И. Тюпы «Сибирский интертекст русской литературы». Эти труды определили два ключевых подхода к изучению локальных текстов. Первый связан с исследованием локальных текстов как культурных центров. К такому типу пространств относятся петербургский, лондонский, флорентийский, венецианский, московский тексты художественной словесности. Другой подход направлен на описание природных локусов и текстов, явля-

^{*} Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Е.Е. Анисимова.

ющихся становящимися культурными пространствами. К ним принадлежат сибирский, кавказский, крымский, пермский, томский, уральский тексты.

Красноярский текст находится на пересечении культурного и природного пространств, с одной стороны, это городской текст, а значит, культурный, с другой стороны, это неотъемлемая часть сибирского текста, доминантой которого является природа. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что локальный текст города Красноярска представляет собой становящийся культурный локальный текст, т.е. развивается от природного – к культурному.

На русской литературной карте Россия, как правило, подразделяется, с одной стороны, на центральную часть (столичные, городские, провинциальные тексты) и периферию (Урал, Сибирь). Чаще категория «локального» текста употребляется по отношению к городскому и провинциальному текстам, к сибирскому же тексту это понятие сложно применить, т.к. Сибирь представляет собой пространство иного типа.

Классическими работами о текстах первого типа являются исследования, посвященные культурному пространству северной столицы. Так, В.Н. Топоров пишет, что петербургский текст является сверткостекстом. По мнению ученого, через петербургский текст говорит и сам город: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 1995: 274].

Говоря о природных текстах, мы имеем в виду кавказский, уральский, алтайский, сибирский тексты и др. Удаленность и безграничность Сибири порождает сюжет странствий, вынужденных или добровольных путешествий.

В.И. Тюпа в своей работе «Мифологема Сибири: к вопросу о “сибирском тексте” русской литературы» выносит пространство сибирского текста за пределы его географического описания и говорит о восприятии Сибири как гипертекста, интертекста русской литературы [Тюпа, 2002]. Исследователи находят сходство Сибири и Кавказа в одном смысле – в смертности данных пространств. Известно, что «именно Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической *страны мертвых*». В русской классической литературе Сибирь описана как страна холода – зимы – ночи (луны), другими словами – смерти [Анисимов, 2009].

Первым классиком, нанесшим Красноярск на «карту» русской литературы, был А.П. Чехов. Весной 1890 года писатель ехал через Сибирь на Сахалин и писал своим родным: «Последние три станции великолепны; когда подъезжаешь к **Красноярску**, то кажется, что спускаешься **в иной мир**»; «Красноярск **красивый интеллигентный город**; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. **Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные.** <...> Я согласился бы жить в Красноярске. Не понимаю, почему здесь излюбленное место для ссылки»; «На этом берегу Красноярск, **самый лучший и красивый из всех сибирских городов**, а на том – **горы**, напомнившие мне о **Кавказе**, такие же дымчатые, мечтательные» [Чехов, 1975]. Чехов – путешественник, его взгляд на Красноярск – взгляд проезжающего.

Другим крупным писателем, создавшим свой авторский «красноярский текст» и при этом являющимся местным уроженцем, стал В.П. Астафьев. Несмотря на известность, он не последовал примеру других писателей, переехавших жить в столицу. В своих письмах Астафьев говорит: «Кроме родной деревни и Красноярска меня ничто в Сибири не привлекает на жительство <...>»; «Сейчас собираюсь на месяцок в Сибирь. Я без неё не могу писать, да и дышать тоже – посмотрю, понюхаю, песен с родичами попою и на год заряжен. Надо бы и жить там, да боюсь – азиатчины много и климат “преобра-

зовали” так, что в Красноярске жить невозможно, а больше мне нигде жить не хочется (родное село в 18 верстах от Красноярска)» [Астафьев, 2009].

Город Красноярск рассматривается Астафьевым в связке с жизнью села Овсянки, находящейся на противоположном берегу Енисея, потому точкой отсчета в художественном пространстве становится красноярский рынок.

Приведем несколько примеров из повести «Последний поклон»: «До недавних считай что дней **властвовала торговая точка на красноярском базаре**, сбита из теса, на которой вызывающе большая красовалась вывеска, свидетельствующая о том, что здесь дни и ночи, <...> отпускается продукция Овсянского из-го з-да. <...> но торговая точка всей нашей округе была так известна, что, <...> **для них в городе домов и магазинов главнее не было**. “А как пойдешь от нашего ларька, дак на праву руку мост через Качу...”, “От нашего ларька в гору подымесся, тут тебе и почта, и нивермаг, и тиятр недалеко...”» [Астафьев, 2006].

Жизнь жителей деревни тесно связана с городом, в особенности рынком, куда они возят добытый промысел, продают его, чаще даром, и возвращаются с подарками.

В приведенном отрывке мы можем заметить, что именно рынок, а точнее «торговая точка», становится центром города для приезжающих сельских жителей, отправной точкой на пути к остальным городским локациям. Другие ключевые локусы – Енисей и речной вокзал, также связующие город и деревню: «Тетку Дуню я как-то встретил на **Красноярском речном вокзале**»; «**Но вокзал на станции Енисей маленький, забитый до потолка утекающим от войны народом**, на улице студено, темно и страшно, убийства начались, слышал я, и решил подождать до утра» [Там же].

Наконец, третьим слагаемым центральной части «красноярского текста» становится история командора Николая Петровича Резанова. Известный советский поэт А. Вознесенский ввел образ города в массовую культуру. Он написал поэму «Авось!», текст которой впоследствии был положен в основу рок-оперы «Юнона и Авось»:

Спите, милые, на шкурках росомаховых.

Он погибнет в Красноярске через год.

Она выбросит в пучину мертвый плод,

Станет первой сан-францисской монахиней [Авось. 05.05.2022].

Согласно существующей легенде, по дороге к Красноярску русский дипломат и путешественник Николай Петрович Резанов упал с лошади и сильно ударился головой оземь. Николай Резанов скончался 1 марта 1807 года в Красноярске в возрасте 42 лет, после того как совершил кругосветное путешествие. Смертью командора в Красноярске заканчивается трагическая история любви Резанова и дочери коменданта Сан-Франциско Кончиты.

Закономерно, что помимо ведущих писателей XIX–XX веков к образу Красноярска обращались многочисленные местные писатели. Выделим основные группы писателей и доминанты красноярского текста в их творчестве.

Исторический роман Анатолия Чмыхало: доминанта Красноярск – место разбойников: «А ты разбойничек. Ну, бог с тобой, – рассудила она. – **На Красном Яру каждый второй разбойник.** Живи и ты»; «Не окажись у Загряжского такой сметки, разве же послал бы его царь на Красный Яр, в это поистине **разбойничье место**» [Чмыхало, 1988].

В произведении присутствует доминанта противопоставления Россия – Сибирь или свое – чужое в сочетании с мифологемой смертности: «Всю Россию и Сибирь прошел он, чтобы вызволить Василия из неволи»; «Еще как-то в юности нагадала ему цыганка **тяжелую хворь и смерть на чужой земле**» [Там же].

В прозе Е.А. Попова мы наблюдаем доминанты пьянства: «Он только вздохнул, после чего они, как **многие сибирские люди, стали пить водку, закусывая ее соленой рыбкой**»; «Нашел когда прилетать. Когда у Герберта **Ивановича запой**. Прилетел бы, например, когда тот трезв или просто **с похмелья...**»; людей без определенного места жительства: «А ведь сам по виду – обыкновенный **бич в очках**. <...> Харкнуть, когда эта ободранная рожа в

драном пальто косо ползет по нашему двору, имея за спиной все тот же холщовый мешок все с теми же рваными галошами и прочей ветошкой»; Енисей: «В моем родном городе К., который, как известно, протяженно раскинулся по двум берегам **могучей сибирской реки Е.**»; «Немного о памятнике, <...> – бетон, символизирующей **богатырское прошлое и счастливое настоящее могучей сибирской реки Е.**» [Самолёт на Кёльн. 05.05.2022].

В тексте красноярского писателя Дмитрия Косякова мы выделили такие доминанты, как Красноярск – провинция: «Но дело было в том, что до **провинции** ещё не добрался безлимитный Интернет, а соцсети только делали свои первые шаги...». В тексте присутствует доминанта противопоставления Красноярска культурной столице: «Она говорила медленно и тоже как будто спорила не с Васенькой, а с **провинциальным городом**, оживающим в лучах рассвета. С заросшего лесом холма она мысленно уносилась в Петербург, гуляла по его брусчатым улицам в окружении **интеллигентных и элегантных людей**». И интересный для нас антропоморфный образ Красноярска: «А изнутри **парк разъедали** непрерывно расширявшиеся асфальтовые и брусчатые **дороги**, на которых, **как прыщи, росли торговые точки и аттракционы**. К счастью, осенью и зимой работы по «благоустройству» замедлялись, стихала беспардонная попса, и до весны парк дышал остатками своей красоты» [Косяков, 2015], который мы будем наблюдать в произведении детского писателя Елены Шумкиной «Сказка о городе К.»: «Пахому, как и другим домам города К., очень повезло – они ещё могли гулять по ночам. Конечно, не все одновременно – иначе было бы не пройти. Дома знали, что на свете есть много городов, где жизнь не останавливается ни на минуту. Там дома уснули навсегда и больше не оживают: где же взять столько лунной пыли, чтобы усыпить миллионы людей разом» [Шумкина, 2014].

Енисей, как неотъемлемая часть города К., в сказке Е. Шумкиной описана следующим образом: «Дом полагал, что такой **красивой, широкой, вольной реки нет больше на свете**. А какое у реки было имя – Енисей! **Сильное и мелодичное**» [Шумкина, 2014].

Итак, локальный текст города Красноярска представляет собой сложную систему мифов, сюжетов и жанров. Он включает в себя и элементы культуры, т.к. является городом (образы рынка, театра, библиотеки, университета, мощеных улиц и проч.), и одновременно с этим является частью природного локуса, так как на протяжении долгого времени Красноярск был неотъемлемой и в общем-то не выделенной частью сибирского текста (климат, река Енисей, похожие на Кавказ горы). Тем самым можно говорить о том, что красноярский текст находится на пересечении культурного и природного пространств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов К.В. Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 5 (99). С. 98–114.
2. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследование в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
3. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с.
2. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997.
3. Вознесенский А.А. Авось [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=3685> (дата обращения: 05.05.2022).
4. Косяков Д. Что случилось? [Электронный ресурс] // День и Ночь. 2015. № 6. 2016. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/din/2015/6/chto-sluchilos.html> (дата обращения: 05.05.2022).

5. Попов Е.А. Самолёт на Кёльн [Электронный ресурс]. М.: Орбита, 1991. URL: <https://goo-gl.me/9Ypv1> (дата обращения: 05.05.2022).

6. Чехов А.П. Письмо Чеховым. 28 мая 1890 г. Красноярск // Чехов А.П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 1975. С. 98–100.

7. Чмыхало А.И. Опальная земля. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1988. 352 с.

8. Шумкина Е. Н. Сказка о городе К. Часть первая. Дом и его друзья. Красноярск: Офсет, 2014. 80 с.

«ОДИССЕЯ» ХХІ ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЭРИКА-ЭММАНУЭЛЯ ШМИТТА «УЛИСС ИЗ БАГДАДА»)

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей художественной рецепции античного мифа об Одиссее в романе Эрика-Эммануэля Шмитта «Улисс из Багдада». Драматизм политической истории актуализировал интерес к данному классическому сюжету в литературе новейшего времени. Эрик-Эммануэль Шмитт, обращаясь в своем романе к остроактуальной проблеме миграции населения на фоне вооруженных конфликтов, придаёт ей вневременной характер.

Ключевые слова: миф, Одиссей, Эрик-Эммануэль Шмитт, трансформация, интерпретация.

Abstract: The article is devoted to the study of the features of the artistic reception of the ancient myth of Odysseus in the novel «Ulysses from Baghdad» by Eric-Emmanuel Schmitt. The dramatic nature of political history actualized the interest in this classical story in the literature of modern times. Eric-Emmanuel Schmitt, addressing in his novel the urgent problem of population migration against the backdrop of armed conflicts, places it in a timeless plane.

Key words: myth, Odyssey, Eric-Emmanuel Schmitt, transformation, interpretation.

Обращение к мифу является одной из отличительных черт поэтики литературы Новейшего периода. По мнению Т.А. Шарыпиной, это связано с «самой спецификой мифомышления и мифологического образа, всегда обращенного к человеку, его внутренней сути в противовес дегуманизирующему началу. Миф, особенно в кризисные эпохи, как опыт поколений всегда представляет память веков и сохраняет ее как гарант мировой стабильности и закономерности» [Шарыпина, 1995: 6].

В XX веке особое место среди античных сюжетов занимает миф о царе Итаки Одиссее. К нему обращаются Герхарт Гауптман («Лук Одиссея»), Джеймс Джойс («Улисс»), Костас Варналис («Дневник Пенелопы»), Альбер-

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук Т.С. Нипа.

то Моравиа («Презрение»), Маргарет Этвуд («Пенелопиада»), Бернхард Шлинк («Возвращение») и многие другие. Актуализация интереса к данному античному сюжету обусловлена прежде всего драматизмом политической истории, вниманием к теме войны и возвращения героя к мирной жизни.

В 2008 году вышел роман Эрика-Эммануэля Шмитта «Улисс из Багдада». Рассказывая историю иракского беженца, автор обращается к теме войны, пытается осмыслить то, как политика отражается на судьбах «маленьких людей», а также поднимает проблему «своих» и «чужих».

«Улисс из Багдада» представляет собой неклассическую трактовку гомеровского сюжета. Повествование ведется от лица Саада Саада – молодого иракца, вынужденного покинуть родную страну. В поисках лучшей жизни, в попытке позаботиться о своей семье герой отправляется в Великобританию. Это путешествие является прямой реминисценцией гомеровской «Одиссеи». Автор проводит параллели между приключениями Улисса и Саада, а также между героями, встречающимися у них на пути. Так, пересечение границы Ирака вместе с контрабандистами, перевозящими запрещенные вещества, соотносится с пребыванием Одиссея и его спутников у лотофагов (*«Ну что, сынок, гостим у лотофагов?»* [Шмитт, 2014: 89]), жизнь с сицилийкой Витторией – с пленом у нифы Калипсо (*«Я уезжаю Виттория. Ты была моим наслаждением, но Лейла – моя судьба»* [Там же: 186]).

Одним из самых ярких примеров использования Шмиттом гомеровского текста является созданный им образ главного начальника центра задержания, в котором оказывается Саад. Этот персонаж представляет собой современную версию циклопа Полифема. Описывая своего тюремщика, Саад называет его *«глыбой мяса»* [Там же: 152], *«огромной жабой»* [Там же: 153] *«земноводным существом»* [Там же], *«людоедом»* [Там же: 154]. Показательной здесь также является сцена сна Саада, в котором он выкалывает единственный глаз своего тюремщика:

«Он рассмеялся. В то же мгновение, загнанный в угол, я выхватил циркуль, раздвинул его и воткнул иглу в его настоящий глаз.

Великан взвыл» [Там же: 162].

Роман Эрика-Эммануэля Шмитта – это своего рода «Одиссея» наоборот. Одиссей Гомера – герой, великий воин, славящийся своим умом и хитростью, способный противостоять богам и чудовищам. В отличие от него, Саад – это «маленький человек», который не может повлиять на происходящие события; он вынужден приспосабливаться к обстоятельствам. Античный миф повествует о возвращении героя на родину, в шмиттовской же интерпретации «Улисс» покидает ее: *«Ты рассуждаешь по старинке, папа. Ты рассуждаешь в духе Гомера. Три тысячи лет назад один человек – Улисс – мечтал вернуться домой после войны, забросившей его в дальние края. Я же мечтал покинуть родину, охваченную войной. Я тоже странствовал и встретил тысячи преград на пути, но я стал противоположностью Улисса. Он возвращался, я иду вперед. Мой путь – туда, его – обратно. Он стремился в дом, который любил, – я отдаляюсь от хаоса, который ненавижу. Он знал, где его дом, я же ищу его»* [Там же: 252]. Великобритания представляется Сааду землей обетованной, местом, где он обретет новую, счастливую жизнь. В его путешествии эта страна соотносится с Итакой, поскольку является конечной целью странствий героя. Однако ей же будет являться и родина Саада – Ирак, где остаются все близкие и родные ему люди. Таким образом, в романе Шмитт изображает две Итаки: та, куда стремится герой, и та, которая, возможно, навсегда для него потеряна.

В античном мифе Одиссей благополучно возвращается на родину и воссоединяется с семьей. У Шмитта финал романа остается открытым. Да, Саад осуществляет свою мечту и, преодолевая все препятствия, прибывает в Великобританию: *«Ну вот, свершилось. Я живу в Сохо, в Лондоне, в Англии, в комнате на троих, где спят, по очереди сменяя друг друга, шесть человек. У меня есть крыша над головой. И даже располагается эта крыша в двадцати сантиметрах от моего лица, сразу за отклеивающимися обоями»* [Там же: 249]. Но в реальности он возвращается к исходной точке: *«У меня такое впечатление, сынок, что ты и не уезжал, по крайней мере не уезжал*

из Вавилона. Здесь же вавилонское столпотворение – языков, кухонь, полов, хотя, по нашим понятиям, уместнее вспомнить Содом и Гоморру» [Там же: 251]. Герой не обретает счастья, не улучшает своего материального положения, утрачивает свою Пенелопу. Его жизнь в Великобритании мало отличается от жизни в Ираке. Как сложится его дальнейшая судьба и будет ли у истории Саада счастливое завершение, неизвестно.

Обращение к теме войны характерно для многих авторов, разрабатывавших миф об Одиссее. Как правило, они апеллируют к опыту Второй мировой войны. Эрик-Эммануэль Шмитт изображает гораздо более современные события – войну в Ираке. Критике подвергается не только свергнутый режим Саддама Хусейна, но и действия американских военных. «Освободительная» война приводит лишь к усугублению положения иракского народа и гуманитарной катастрофе. В начале романа автор приводит размышления Саада о представителях власти: *«Не знаю, представляли ли себе на минуту политики – богатые, сытые, благонамеренные, – каково придется нам, простым иракцам, я сомневаюсь, и это единственное извинение, которое я могу отыскать. Призванное заставить задуматься Саддама Хусейна, эмбарго угнетало только нас, обычных людей»* [Там же: 21]. Саад выражает точку зрения «маленького человека», ставшего жертвой большой политики: *«Однако ловкие политики, обрекившие наш народ на великие страдания, мирно состарятся в своих странах – я знаю это наверняка, – осыпанные почестями и наградами за сделанное ими на благо человечества, наслаждаясь сном, который никогда не нарушит воспоминание о вызванных ими и неведомых им ужасах»* [Там же: 23].

С войной в романе связана проблема миграции, а также дихотомия Восток-Запад и свой-чужой. Особенно ярко это представлено в сцене разговора Саада с чиновницей из ООН. Герой рассказывает ей свою историю, чтобы получить статус политического беженца, однако сталкивается лишь с равнодушием и непониманием. Ведь, по мнению доктора Цирцеи, после свержения режима Саддама Хусейна в Ираке наступили мир и благополучие:

«— Господин Саад Саад, вы хотите получить статус политического беженца? <...> **Надо было просить во времена Саддама Хусейна.**

<...>

— Господин Саад Саад, я хочу быть с вами откровенной: вы не получаете статуса политического беженца.

— Почему?

— Потому что Соединенные Штаты **освободили Ирак**. Потому что сегодня Ирак — свободная страна. Потому что Ирак стремительно идет к демократии. Значит, **проблемы больше нет**» [Там же: 123].

В романе показан тяжелый путь беженцев с Ближнего Востока: «Мне полагалось взять номерок, с его помощью через несколько дней записаться на прием, который состоится через шесть месяцев, а до того у меня **нет права ни снимать жилье, ни работать**» [Там же: 107]. С беженцами обращаются, как со скотом, что хорошо прослеживается в сценах нелегальной перевозки мигрантов через границы: «Если изначально мы бежали от своей страны, то теперь — от подпольного существования, от рабства, от зависимости от мафиози, **от обращения, низводившего нас до уровня скота**. Все полезли в фургон. Лучшие в последний раз побыть скотиной и вырваться из стада...» [Там же: 200–201]. Для того чтобы выжить, эти люди вынуждены продавать себя и свой труд за гроши, прибегая к любым средствам. Так, ожидая в Каире своей очереди к секретарю ООН, Саад вынужден работать жиголом в женском клубе.

Таким образом, Эрик-Эммануэль Шмитт, разрабатывая античный материал, существенно переосмысляет его, насыщая актуальным содержанием. Автор нивелирует героический пафос, травестирует миф, в том числе снижая образ Улисса. Из истории о подвигах великого героя «Одиссея» Шмитта становится историей многих обычных людей, переходящей в трагедию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX – XX веков: Материалы спецкурса. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 114 с.
2. Шмитт Э.-Э. Улисс из Багдада. СПб: Азбука, 2014. 256 с.

III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ О «РОДНЫХ БАБУШКАХ»

В первом выпуске «S_L» за 2022 год вниманию читателей предлагаются устные тексты о родных бабушках, записанные преподавателями и студентами Института филологии и языковой коммуникации в 2021 г. в рамках диалектологической практики от коренных ангарцев, проживающих в настоящее время в г. Красноярске.

В выпуск вошли рассказы, записанные от ангарцев, которые родились в Кежемском районе Красноярского края. Центром уникальной старожильской культуры в Северном Приангарья являлся Кежемский район, во многих затопленных деревнях которого (Кежма, Алёшкино, Дворец, Паново, Пропихино, Усольцево и др.) преимущественно проживали русские старожилы – потомки русских засельщиков Сибири из северных губерний России.

В концептосфере старожильской культуры одним из ключевых мегаконцептов является мегаконцепт семья, а также многие концепты, которые входят в его структуру, в частности концепт «бабушка». В жизни коренных ангарцев семья и родственные отношения занимают особое место. Особенно ценятся семьи, в которых уважают и любят не только родителей, но и представителей старшего поколения: бабушек и прабабушек, дедушек и прадедушек. Не случайно сами ангарцы часто отмечают, что раньше в одном доме могли жить представители разных поколений одной семьи, например: *«А у тяти были, у дедушка, надо сказать, у дедушка были: дядя Николай, дядя Семён, дядя Павел и дедушко Еграха, и тётка Татьяна, и тётка Аграфена, в этих, в Ярках. Шестеро было у дедушка. А у отца было, ну, у отца, чё: тётка Арина была, тётка Матрёна была, потом дядя Фядот был, хрёстный Александра был, тётка Прасковья – шесть человек было у дедушка.*

Большие семьи были, большие! Понедельно готовили. Это скон веку велось так. Вот, примерно, сёдни моя стряпова называлася, стряпова – надо мне готовить и хлеб стряпать. А если скотовая, за скотом надо ходить. Вот невестки жили, дружно жили, семья большая. И дом построят, избу большую, вот и все жили. На полу спали, ребятишки на печь заберутся, на пече спят. Полати раньше были, вот эдак вот, у нас вот здесь вот были полати. Залезем на полати и спим на полатях, тепло навёрху-ту. Зимой, ага. Стряпова, это, дескать, невестка стряпать должна, еду направить должна она, а друга невестка за скотом ходит, доит коров, и там телята, и свины, и поросята, и овцы, держали же все скота».

Бабушка являлась одним из главных членов семьи. Практически в каждой семье она была носителем житейской мудрости, няней, «педагогом» для своих внуков. Именно в рассказах о «родных бабушках» можно узнать об особенностях народной педагогики.

В каждом нарративе, которые приведены в настоящей рубрике, представлены не только речевые портреты коренных ангарцев, не только те или иные воспоминания сибирского быта XX века, но и ценностные ориентиры самих рассказчиков.

При подготовке устных текстов к публикации сохранены все синтаксические, грамматические и лексические особенности устной речи.

Публикуемые тексты могут быть использованы в качестве эмпирической базы для психолингвокультурологических, лингвоэмотиологических и некоторых других исследований.

Е.С. Смирнов

¹ Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т. 6. С. 92.

– Больше всего Вашим воспитанием занималась бабушка? [– Собирается.]

– Бабушка, конечно, нет, не то что воспитанием. Воспитывали родители, они вот в каком-то, в главных направлениях, да, а повседневная вот эта вот жизнь, повседневная забота и, конечно же, было моей бабушки со стороны папы. Она с нами жила, и я была очень счастлива. Я вот уже спустя много лет, я понимаю, что бабушка для меня, ну было всё, я считала. Я вот, кстати, хочу прочитать стихотворение из моих воспоминаний и о бабушке в том числе. Вот если хотите, давайте я вам прочитаю:

С годами мудрость обретаешь,
И всё вдруг кажется иным,
Иную ценность понимаешь,
Когда становишься седым.

Вот я всё чаще обращаюсь к Богу,
Молю, чтоб от беды детей хранил,
Чтоб освещал им путь-дорогу,
И верность предкам сохранил.

Без памяти о них не будет счастья,
Они с небес нам подают сигнал,
Оберегая от напасти
Наш хрупкий жизненный причал.

Я очень часто вспоминаю
Бабулю, маму и отца.
По ним я жизнь свою сверяю,
И в мыслях в детство возвращаюсь,
То не для красного словца.

Когда-то в Комсомоле управляя,
Я говорила: «Баба, Бога нет,
Ведь в космос уж давно летают,
И места во Вселенной нет».

Но добрая моя бабуля,
Задумавшись, ответила всерьёз:
«Да как он вам и показался,
Не сунько ты родна туды свой нос».

Ей комплименты говорила,
С иронией и не кривя душой,
Но а бабуля отвечала:
«Змёя с клементами ешо».

Ловушками рыбу добывала,
И не просту, а стерлядей.
Премудрости рыбалки знала,
Христовы руки-то говорили о ней.

А как она красиво пела,
И голос чистый как родник,
Я не однажды пожалела,
Что не создала песенник.

А в детстве песни не любила,
И плакала под их протяжный звук,
Да, ты умрёшь, я бабушке твердила,
И мне казалось, с ней умрёт и всё вокруг.

«Свет белый мой, родна моя, не плачь,
С чаго умру-то я, Христос со мной».
И вот уже на радостях пускаюсь в скач,
Бог сохранит жизнь бабушки родной.

Грибы с ней собирать любила,
И за черёмухой ходила на кочки вместе с ребятней,
Там обитал медведь большой,
А из грибов лишь признавала волнушек, рыжиков, груздей.

И вот какой мне рассказала, однажды, казус вышел с ней:
Сестра её, приехав погостить,
Решила в огород сходить.
И там, увидев шампиньоны, воскликнула:
«А, каки молёны¹, Мотя, како богатство у вас есть,
Ведь это, родна, шампиньоны».
«Лиза, какиш шпионы²? Кружаш³, это собачье сец?»

Когда совсем уж плохо видеть стала,
Больше сидела или лежала,
И летом обувалась как зимой.
Однажды я спросила: «Бабуля, что с тобой?
Ты в жару сидишь в унтайках».
Ну, а бабуля отвечала:

¹ Молёный – хороший; вкусный (о еде).

² Кружать – обманывать; путаться в словах, заговариваться.

«Родна моя, дак ноги-то, как эсь отшипало,
Вот доживёшь до экой-то поры, узнаш, родна моя».
Давно уж нет её, и к старости дорога,
А голос бабушки сквозь годы слышу я.

Вот такое вот воспоминание вот о бабушке. Она для меня была всем. Я, мне казалось вот именно в детстве, мне казалось, что, если бабушка умрёт, не мама, не папа, а бабушка, я вообще не знаю, как я буду жить. Вот так казалось в детстве, потому что она всё время была с нами.

Записано В.А. Шевцевой, В.О. Верейкиной в г. Красноярске в 2021 году
от Альбины Николаевны Атаевой, род. в 1953 г. в д. Рожково
Кежемского района Красноярского края.

– Бабушка много давала Вам советов, наставлений? – [– Собираю.].

– Вы знаете, вот удивительно, это, наверное, тоже характер, такой суровый. Она была с характером, но по отношению к нам, это была такая безграничная любовь, которая не проявлялась внешне. Когда мы слушали, меня корёжило, как ни странно, <неразб.>. Казалось бы, это должно было мне нравиться, а сейчас я понимаю, что это тоже был сибирский, то есть я вот такие вещи не люблю произносить. Это я сейчас по отношению к нему поспокойнее, даже по отношению к детям у меня... Вот эта вот внешняя суровость, когда вся любовь она сокрыта, и постороннему может показаться... Вот бабушка мне при смерти, это правило своё «крошками», «крошками». Когда она умерла, я испытывала вину, что я, конечно, не вернула ей, можно сказать, эту большую... Всё то, что она дала нам, и мне лично, я была первая внучка. Мне приснился сон: я иду по <неразб.> местному, такое место, я поднимаюсь, горка называется. Я поднимаюсь на горку, и вот у её основания... даже вот ту ленинградскую бабусю. Я не могла себя заставить произнести это слово, я не помню как я... <...>. Бабусей назвать бабушку – обидится. Это на уровне уже как бы обзывательства. И вот баба мне во сне говорит: «Не переживай,

крошка». Я помню, что это неживым голосом, понимаю, что бабы уже нет, её не вернуть, но я её вижу, как живую.

Я проснулась, просто захлебнулась в слезах, потому что было же во сне. Вот это любовь сибирской бабушки, безграничная. Она никогда там, ну, единственное, наверное, не надо рассказывать о своих проблемах... Вот я, к сожалению, не сразу тоже, не поверила <...>. Бабушка, пройдя войну... Это хорошо, что у нас были родители, маме 4 года было, а сестре год только исполнился. Это с ума сойти. Так она не рассказывала, но она жалела и была рада, что нам это не выпало, выпало другое, ну что под пулями мы не стояли. Я вообще поражаюсь, она не из тех, кто бы рассказывал о подвигах, она запрещала нам, никаких вот этих пайков, когда стали давать, ни за какие подарки... Мне всегда уже смешно, когда я от своего дедушки, он умер через год после моего отца, пришлось пережить: 66-ой папа, отец был очень добрый. Я так удивилась, что мне недавно одноклассница, которая мне раскайлась, вот тогда в 66-ом, когда мы вместе с телом отца улетали из Ванавары, что он добрый, хороший. Я так удивилась, что она это помнит. Ну и вообще они были очень красивой яркой парой. Вы представьте, если папе 33 было, а маме 27. Поэтому деда в 67-ом, ему 50 не было, я в то время уже прочитала «Брестскую крепость». Свет у бабушки гас как-то рано, и я пока там светло, при свете ночника я до последнего и мне естественно интересно, он мне ничего не рассказывал. А он прошёл Сталинград, и никаких красивых рассказов о подвиге. И, кстати, в основном наши настоящие герои – они ведь не любили рассказывать <...>. Ну конечно наша бабушка, всё наше детство она очень сильно после смерти мамы переживала. Курить тогда стала, выкуривала по две пачки. Она нас не травмировала <...> её любовь безграничная осталась.

Записано Е.А. Красивовой в г. Красноярске в 2021 году от Любови Леонидовны Карнауховой, род. в 1956 г. в с. Кежма Кежемского района Красноярского края.

– Родители у нас какое-то время работали в экспедиции, то есть дома не жили, потом работали в леспромхозе в соседней деревне, когда леспромхоз перевели, и нашим воспитанием занимались бабушка, дедушка и прабабушка. Она вообще была дедушкина мама, с нами жила в одном доме. Она умерла от инфаркта, я в первом классе училась.

– Нина Васильевна, а можете про прабабушку рассказать? У нас таких историй совсем мало. [– Собир.]

– Прабабушка, она была... Может, ей выпала такая судьба: муж от неё рано ушёл, больше она замуж не выходила. Всё хозяйство держалось на ней, потому что дети, их надо было кормить, воспитывать, одевать. Про неё говорили, что бабушка была такая жилистая, про неё говорили, что она была худощавая, высокая. И я не знаю, я на покосе работала, знаю, что такое покос, но я не знаю, как можно было на носилках полкопны, как она одна могла это нести, я не знаю. Она, естественно, собирала грибу и ягоды, поскольку это всё было, и она показала моей маме все места, какие ягоды, лесные особенно, черника где-то далеко в лесу, ей показала везде дорожки, всё. Многие местные женщины не знали, а моя мама, поскольку из другой деревни, знала хорошо это от прабабушки.

Прабабушка, ещё вот помню, летом обычно бабушка, дедушка, родители на покос, когда мы ещё маленькие были, со школы, прабабушка, Татьяной её звать. Она боялась, что с нами что-нибудь приключится, и она нас с ограды никуда не выпускала, и на речку купаться. Она нам наливала два тазика воды и говорила: «Вот нагреется, вот и купайтесь. А родители придут с покоса, тогда вас отпустят на речку. А я не могу это сделать, чтобы не дай Бог чего с вами случилось».

Потом ещё помню такой момент: нам купили носочки. Носочки – редкая вещь в нашей деревне была в детстве. И вот мы с сестрой нарядились в носочки, сандалии и пошли на верхний двор, так называется спуск в нашей деревне к речке, а там такая местность, и туда приходят с покоса все. А с по-

коса когда идут, они нам какие-то гостинцы несут. Косили в основном вручную, и иногда приносили соты пчелиные. Потом начинала поспевать ягода дикая, нам на веточках наломают, принесут, или черёмуха начинает поспевать. И вот приходили на этот двор, а он песчаный, хороший песочек был, и там играли и ждали. И вот приходит наша прабабушка посмотреть, где мы, и обнаруживает, что мы с сестрой без носков. Она в ужасе, только купили носочки, и их нет. То есть, она организовала всех детей, и сама, искали, копали этот песок, искали наши носки.

А вообще, я не помню, чтобы они кричали, ругались, всё равно мы же дети: кричали, баловались где-то что-то. Я не помню, чтобы они нас наказывали. Из дедушкиных уст я единственное ругательное слово в свой адрес помню – это «бессовестная». Вот если дедушка нам сказал «бессовестные», это можно провалиться сквозь землю. И потом, дедушка всегда оценивал труд наш. Допустим, с сестрой мы завтракаем, бабушка с дедушкой, естественно, там корова, телята, поросята, печка, завтрак и прочее. Мы часов в восемь-девять просыпались, завтракали все вместе. Бабушка ставила на стол еду и приносила булку хлеба, она стряпала хлеб сама, подавала нож дедушке и говорила: «Шура, на – режь». То есть, бабушка хлеб не резала на кухне на досточке, а приносила к столу и подавала дедушке, дедушка отрезал хлеба, бабушка забирала у него остатки булки и выносила. Такая традиция была у нас.

И за завтраком дедушка любил давать задания всем. Бабушка там мыть посуду и так далее. Бабушка сама знала, что должна мыть посуду, и он это делает <...>.

– Нина Васильевна, Вы говорили, что бабушка хлеб пекла, а какие ещё блюда готовила? [– Собир.]

– Бабушка в принципе всё готовила сама абсолютно. По утрам, если допустим это лето, весна, когда начинается рыбалка, она всё готовила в основном в русской печи. Она у нас был большая, глинобитная. Допустим, утром проверили сети, посмотрели, мелкую рыбу могла почистить и сложить

на сковородку и запечь в русской печи. Могла, если это налимчики, допустим, лето, корчажки¹ ставили на налимчиков, аккуратно она рядочки укладывает, заливает яйцом взбитым, это всё запекается для завтрака. Икра мелких рыбёшек, если её много получилось, она делает тоже с яйцом взбивает, молоко, и в сковородку. Взбивает, и запекается в русской печи.

Зимой такое блюдо. Картошка, пюре картофельное с молоком, с яйцом, укладывала на сковороду бабушка ложечкой, выравнивала и запекалась, такая золотистая корочка получалась. Сковороду ставили на стол, в середине делали углубление, туда ложила бабушка масло, и ложкой пюре запечённое обмакивает в масло.

Стряпала бабушка много: рыбный пирог, поскольку хлеб стряпала она сама, раз в неделю обычно стряпала, и всегда рыбный пирог, потому что рецепт использовался и для хлеба.

Перед праздниками, в воскресенье – шаньги² стряпала, на наливошные или творожные. Творожные – это как роскошь, потому что хоть у нас и были коровы, семья большая, и как бы не очень много получалось. Поэтому шаньги были наливошные.

Записано Е.С. Смирновым в г. Красноярске в 2021 году от Нины Васильевны Поповой, род. в 1957 г. в д. Кода Кежемского района Красноярского края.

У нас бабушка была. Самый добрый человек у меня в жизни. Мы жили в таких трудных условиях там. И каждое лето, почему-то к нам приезжали цыгане... табор. Как они туда попадали, на катерах, на баржах, наверное. И недалеко от нас на берегу Ангары ставили палатки и там жили цыгане с детьми. И наша бабушка им носила молоко. Что-то под фартук спрячет, несёт

¹ Корчага – бочкообразной формы рыболовная снасть, сплетённая из прутьев или проволоки.

² Шаньга – ватрушка или лепёшка из кислого теста с творогом, картофелем, ягодой, сметаной.

им. Нитки, иголки. У них ничего, видимо, не было. Некоторые её не поняли: «Зачем ты носишь?». А ей жалко их было. Там детки маленькие. Один раз она в больницу попала с моей сестрой средней... очень болела. Ну, бабушка с ней лежала в больнице. Больница... очень далеко, на краю села. А село очень длинное. Там столько-то километров. Ну, вдоль Ангары вытянулась... на краю больница была районная. Ну, бабушка пролежала положенное время там с Олечкой. Вернулись, выздоровели. Смотрю, бабушка собирается чё-то, куда-то узелок связывает. Собирает книжки какие-то детские, платица. Оказывается, там с какой-то деревни привезли женщину с больной девочкой, которые очень плохо были одеты. Ничего у них не было. Откуда они... И бабушка собирала это всё, узелок. И в такую даль потащилась. И этим цыганам, которые на берегу жили, она им что-то носила. Видит, что они страдают.

Такие люди должны быть, мне кажется. Не просят её, а она просто идёт и помогает. Я никогда не забуду, как она этим цыганам носила и этой девочке больной за столько километров. Носила туда это всё. А её и любили. Ну, как... к ней очень хорошо относились.

Когда она умерла, меня, к сожалению, не было в Кежме. Я училась в Челябинске. Вот, мама рассказывала, она умерла в морозы в декабре. Морозы были дикие уже. И на похороны пришло такое огромное количество людей. Шли пешком на кладбище, там довольно далеко. Пошли все хоронить. А наш школьный этот, водовоз. Он воду развозил по учителям. У бабушки с ним были вообще особые отношения. Она ему то пирожок вынесет, то ещё что. А он не знал, что бабушка наша умерла. И тут узнал. И он с этой водовозкой на лошади приехал. Успел. Ну, т.е. она как-то в людях зародила, не знаю... память о себе. О ней долго все вспоминали. К ней на день рождение столько приходило её приятельниц с мужьями там. Пели, плясали.

Записано А.С. Николаевой в г. Красноярске в 2021 году от Валентины Семёновны Косолаповой, род. в 1946 г. в с. Кежма Кежемского района Красноярского края.

IV. НАШИ АВТОРЫ

Герус Валерия Андреевна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, valerya.gerus@yandex.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимова Е.Е.

Ежкова Наталья Андреевна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, ezhkova.natalie@yandex.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимов К.В.

Зюкова Татьяна Павловна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, tania.ziukova@mail.ru; научный руководитель – старший преподаватель кафедры восточных языков ИФиЯК СФУ Бирюлина Е.А.

Колесникова Юлия Сергеевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, Skay-Julia@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Колмогорова А.В.

Лапаух Ольга Владимировна, магистрант 2 курса Филологического факультета НИ ТГУ, olgirina@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Новикова Е.Г.

Лешкова Нина Николаевна, студент 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, leshkova-01@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимова Е.Е.

Павлова Ольга Александровна, студент 3 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, OPavlova13@yandex.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимова Е.Е.

Синкевич Дарья Игоревна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, snkvch.daria@yandex.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Детинко Ю.И.

Смирнов Евгений Сергеевич, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ, ses9215@mail.ru.

Срмикян Виолетта Сименовна, аспирант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, VSrmikyan@sfu-kras.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Анисимова Е.Е.

Старцева Екатерина Андреевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, startsewakate@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Детинко Ю.И.

Умаев Тимур Александрович, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФК, umaev-2000@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Детинко Ю.И.

Ципотан Дарья Сергеевна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, daria.tsipotan@yandex.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Фельде О.В.

Шохина Ангелина Юрьевна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, angelina@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Башкова И.В.

Щербакова Дарья Александровна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, darya.sherbakova.98@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук Нипа Т.С.